

РОСС КИНГ

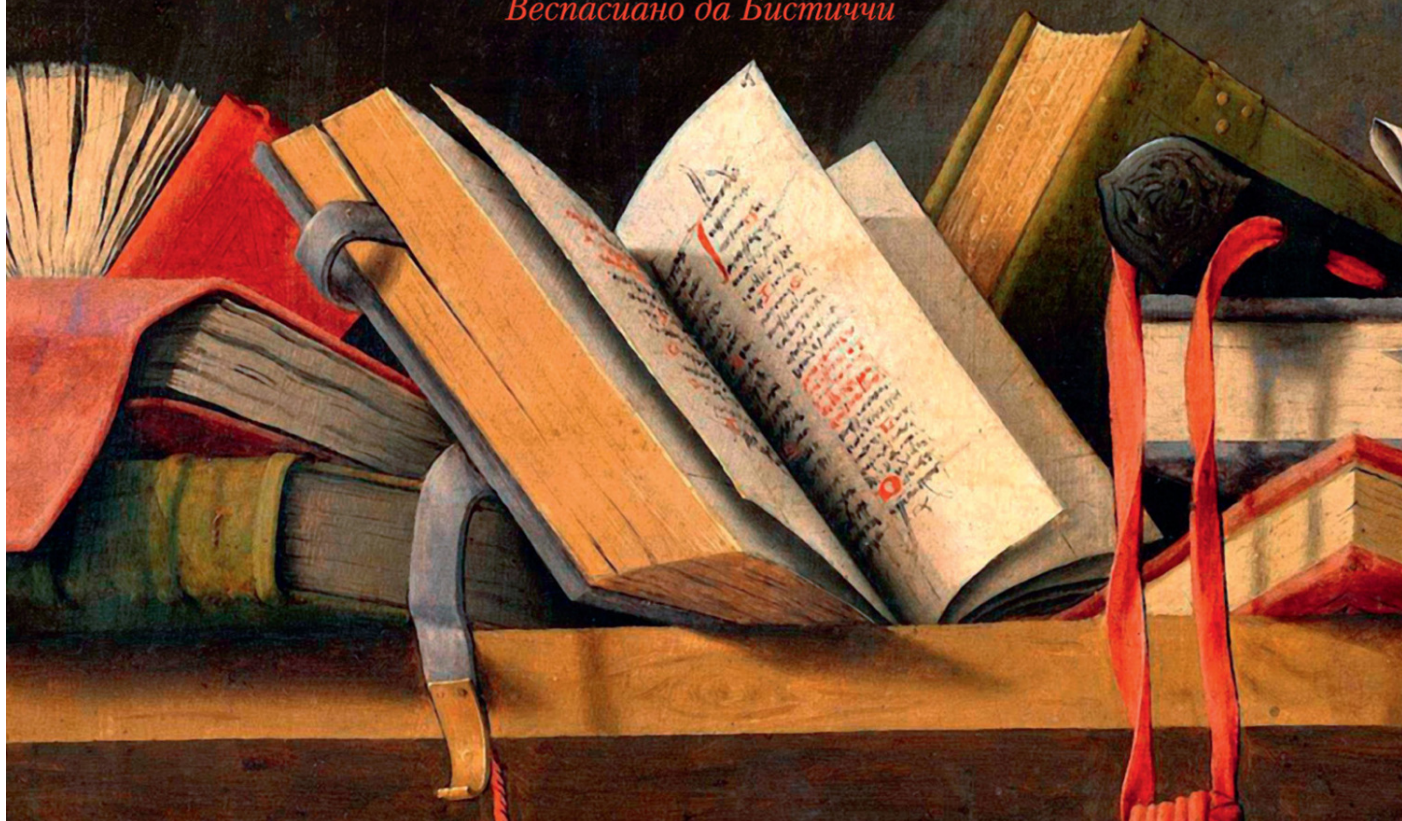
Кинг убедительно доказал:
имя Веспасиано достойно
славиться в веках.

The Sunday Times

КНИГОТОРГОВЕЦ ИЗ ФЛОРЕНЦИИ

«Все зло рождается от невежества.
Однако литераторы озарили мир, прогоняя тьму».

Веспасиано да Бистиччи

Росс КИНГ

Книготорговец из Флоренции

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 7.07
ББК 85

Кинг Р.

Книготорговец из Флоренции / Р. Кинг — «Азбука-Аттикус»,
2021

ISBN 978-5-389-21334-0

Флоренция эпохи Возрождения. Эти слова приводят на память образы прекрасных творений искусных художников и архитекторов. Но не менее значимыми были свершения творцов в иной области: флорентийских охотников за рукописями, писцов, ученых и книготорговцев, которые смахнули пыль веков с античного знания, открывая и распространяя которое они творили новый просвещенный мир. Именно в этой сфере достиг грандиозного успеха Веспасиано да Бистиччи – «король книготорговцев», которому посвящена новая захватывающая книга Росса Кинга, автора бестселлеров «Леонардо да Винчи и „Тайная вечеря“», «Микеланджело и Сикстинская капелла» и многих других. Манускриптами, созданными под руководством Веспасиано, стремились украсить свои библиотеки просвещенные монархи и римские понтифики... Но крах грандиозного предприятия «короля книготорговцев» был предрешен: книгопечатание сделало книги доступными для многих. Драматические политические и религиозные потрясения эпохи, история философской мысли и европейский мир периода грандиозных и судьбоносных перемен представлены Россом Кингом сквозь призму биографии экстраординарного человека, несправедливо забытого историей, Веспасиано да Бистиччи – подлинного титана Возрождения. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 7.07
ББК 85

ISBN 978-5-389-21334-0

© Кинг Р., 2021

© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Росс Кинг Книготорговец из Флоренции

Симонетте Брандолини д'Адда

*Все зло рождается от невежества. Однако литераторы озарили
мир, прогоняя тьму.*

Веспасиано да Бистиччи

Ross King

THE BOOKSELLER OF FLORENCE

Copyright © Ross King, 2021

First published as The Bookseller of Florence in 2021 by Chatto & Windus, an imprint of
Vintage.

Vintage is part of the Penguin Random House group of companies.

Ross King has asserted his right to be identified as the author of the work.

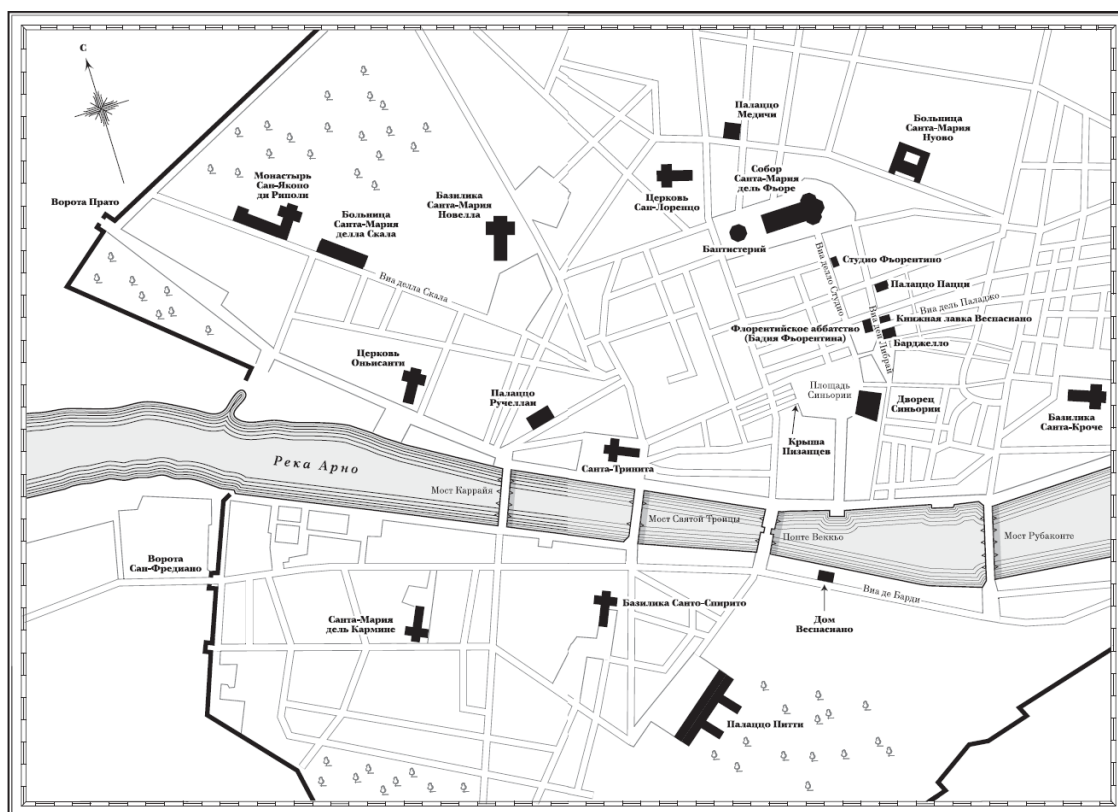
All rights reserved

Подбор иллюстраций Екатерины Мишиной

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Улица Книготорговцев

Улица Книготорговцев, Виа деи Либрай, шла через самое сердце Флоренции, от ратуши на юге до собора на севере. В 1430-х на ней обитали портные, торговцы тканями, а также бочар, цирюльник, мясник, сыровар, несколько нотариусов, книжный иллюстратор, два художника, державшие общую мастерскую, и *pianellaio*, торговец домашними туфлями. Тем не менее название она получила по нескольким книжно-канцелярским лавкам, именуемым *cartolai*.

В те дни на улице Книготорговцев было восемь *картолайо*. Звались они так потому, что продавали бумагу (*carta*) разного размера и качества, которую закупами на ближайших бумажных мануфактурах. Еще они торговали пергаментом, изготовленным из телячьих и козьих шкур. Немало пергаментных мастерских с их чанами для вымачивания располагалось на соседних улицах. Однако *картолайи* предлагали разнообразные услуги, а не просто торговали пергаментом и бумагой: они изготавливали и продавали манускрипты. Здесь клиенты могли купить подержанную книгу либо заказать новую, переписанную писцом и переплетенную в дерево или кожу, а также, если заказчик пожелает, иллюминированную – то есть украшенную миниатюрами либо орнаментом, выполненными краской и сусальным золотом. *Картолайи* находились в самой гуще флорентийского книжного дела – они были книгопродавцами, переплетчиками, бумаготорговцами, оформителями и издателями. Предприимчивый *картолайо* мог вести дела со всеми, от переписчиков и миниатюристов до изготовителей пергамента и мастеров-золотобойцев, а иногда даже и с авторами.

В книжном деле, как и в банковском и в суконном, флорентийцы достигли больших успехов. *Картолайи* процветали, потому что во Флоренции многие покупали книги. Здесь доля тех, кто умел читать и писать, была больше, чем где-либо еще, – семь взрослых из десяти. Для сравнения, уровень грамотности в других европейских городах не достигал 25 процентов¹. В 1420-м некий флорентийский красильщик владел трудами Данте, поэмой современника Данте Чекко д'Асколи и поэзией Овидия². Все эти книги были на местном тосканском диалекте, *lingua Fiorentina*, а не на латыни, и все равно это внушительная библиотека для простого ремесленника. Даже многих флорентийских девушек учили читать и писать вопреки предостережениям монахов и других моралистов. Некий суконщик как-то похвастался, что две его сестры читают и пишут «не хуже любого мужчины»³.

Одна из самых больших книжных лавок располагалась в северном конце улицы Книготорговцев, на ее пересечении с Виа дель Паладжо, где мрачная стена дворца флорентийского градоначальника смотрит на изящный фасад аббатства, известного как Бадиа. С 1430 года Микеле Гвардуччи, хозяин лавки, арендовал помещение у монахов аббатства за пятнадцать флоринов в год плюс фунт свечного⁴ воска⁵. Лавка состояла из двух помещений; одна дверь

¹ См.: *Black Robert*. Literacy in Florence, 1427 // *Florence and Beyond: Culture, Society and Politics in Renaissance Italy: Essays in Honor of John M. Najemy* / Ed. David S. Peterson, Daniel E. Bornstein. Toronto: Center for Renaissance and Reformation Studies, 2008. P. 195–210; *Idem*. Education and Society in Florentine Tuscany: Teachers, Pupils and Schools, c. 1250–1500. Leiden: Brill, 2007. Vol. 1. P. 1–42. О грамотности в остальной Европе: *Allen R. C.* Progress and Poverty in Early Modern Europe // *Economic History Review*. Vol. 56 (2003). P. 415.

² *Najemy John N.* A History of Florence, 1250–1575. Oxford: Blackwell, 2008. P. 45–46. О востребованности книг на народном языке см.: *Witt Ronald*. What Did Giovannino Read and Write? Literacy in Early Renaissance Florence // *I Tatti Studies in the Italian Renaissance*. Vol. 6 (1995). P. 83–84; этой публикации я также обязан сведениями о школах и грамотности.

³ Джованни Морелли цит. по: *Witt*. What Did Giovannino Read and Write? P. 105.

⁴ *Флорин* – золотая монета весом 3,536 г, которую начали чеканить во Флоренции в 1252 г. Серебряной флорентийской монетой было сольдо, которое постоянно дешевето по отношению к флорину. В начале пятнадцатого века флорин стоил семьдесят пять сольдо, к 1500-му – сто сорок. У Милана, Венеции и Рима была своя золотая монета, дукат, того же веса и достоинства, что флорин. – *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

была со стороны входа в Бадию, другая, южная, открывалась на Виа дель Паладжо. Подняв голову, из нее можно было увидеть мрачную и величавую башню Палаццо дель Подеста, ныне – Национального музея Барджелло⁶. Каждое утро многие лучшие умы Флоренции собирались на углу этого дворца, в нескольких шагах от лавки Гвардуччи, и беседовали о литературе и философии. Флоренция в те дни славилась литераторами, особенно знатоками словесности и философами (от *φιλόσοφος* – любящий мудрость), людьми, которые тщательно изучали накопленную мудрость веков, и в первую очередь – творения древних греков и римлян. Многие тексты, утраченные столетия назад, были незадолго до того обнаружены такими флорентийцами, как, например, Поджо Браччолини, который к всеобщему ликованию нашел затерянные труды Лукреция и Цицерона.

Поджо был в числе тех любителей мудрости, что собирались на углу рядом с лавкой Гвардуччи. Хотя и он, и его друзья прочесывали книжные лавки в поисках манускриптов, до начала 1430-х заведению Гвардуччи нечем было их особенно привлечь. Он держал в штате талантливого иллюстратора, однако в договоре аренды Гвардуччи записан как *cartolaio e legatore*, «торговец письменными принадлежностями и переплетчик»⁷, и специализировался он не на мудреных греческих и латинских сочинениях, а на более скромном переплетном ремесле. Это значит, что, помимо бумаги и пергамента, в его лавке был большой запас застежек и металлических накладок, досок, молотков и гвоздей, а также кипы телячьей кожи и бархата. Стук молотков, визг пил – такие звуки приветствовали каждого, входящего в лавку.

Положению предстояло измениться. В 1433 году Гвардуччи взял нового помощника, одиннадцатилетнего мальчика Веспасиано да Бистиччи. С этого дня началась поразительная карьера Веспасиано как создателя книг и торговца знаниями. Вскоре флорентийские грамотеи будут собираться в лавке, а не на углу улицы. Ибо в мире *картолайи*, согбенных писцов, пергамента и перьев, изысканных библиотек с прикованными к скамьям увесистыми томами, Веспасиано суждено было стать тем, кого любящие мудрость назовут *rei de li librari del mondo* – «королем книготорговцев мира»⁸.

Записи о рождении не сохранилось, но, скорее всего, Веспасиано появился на свет в 1422-м, через два года после того, как Филиппо Брунеллески начал титанический труд по возведению купола – самого большого в истории – над собором Санта-Мария дель Фьоре⁹. Фамилию семья получила от Санта-Мария а Бистиччи, деревушки на склоне горы в десяти милях к юго-востоку от Флоренции. Филиппо да Бистиччи, отец Веспасиано, известный как Пиппо, подобно многим другим флорентийцам, торговал сукном. Пиппо делил время между домом, который снимал в городе, и сельским имением в пяти милях к юго-востоку, возле деревни Антелла. Имение давало пшеницу, ячмень, фасоль, инжир, вино и оливки. В 1404 году Пиппо обручился с десятилетней девочкой по имени Маттеа Бальдуччи, которая со временем родила ему шестерых детей, четырех мальчиков и двух девочек. Веспасиано был чет-

⁵ *Leader Anne*. The Tomb of a Bookseller in Early Renaissance Florence. Я признателен доктору Энн Лидер за то, что она поделилась со мной черновиком статьи до публикации, и за сведения об арендаторах Бадии. Информацию о Бадии и улице Книготорговцев я почерпнул и в другой работе доктора Лидер: *Leader Anne*. The Badia of Florence: Art and Observance in a Renaissance Monastery. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2012. (Особенно с. 27.)

⁶ Документы, увы, опровергают миф, впервые изложенный в путеводителе 1928 г., будто лавка Веспасиано находилась по нынешнему адресу: Виа дель Проконсоло, 14, в очаровательном здании с аркой, облицованной пьетра-серена и увенчанной изображением открытой книги. На самом деле этот дом, соседний с тем, где находилась лавка Веспасиано, много позже занимало издательство «Джунти».

⁷ За эту подробность я признателен Энн Лидер (личное электронное письмо от 5 февраля 2019).

⁸ Цит. по: *De la Mare A. C.* New Research on Humanistic Scribes in Florence // *Miniatura fiorentina del Rinascimento, 1440–1525: Un primo censimento*. 2 vols. / Ed. Annarosa Garzelli. Florence: Giunta regionale toscana, 1985. Vol. 1. P. 403.

⁹ Самый полный источник сведений о жизни Веспасиано, из которого я почерпнул информацию, приведенную в следующих абзацах, это: *Vespasiano da Bisticci e il suo Epistolario* / Ed. Giuseppe M. Cagni. Rome: Edizioni di Storia e Letteratura, 1969. P. 11–46. Свидетельства о годе рождения Веспасиано см. на с. 13.

вертым ребенком, а его необычное императорское имя (в 1420-х во Флоренции был лишь еще один Веспасиано), похоже, указывает, что родители с детства прочили ему великое будущее.

Смерть Пиппо в начале 1426 года поставила под угрозу будущее Веспасиано, которому тогда было четыре, и его братьев и сестер. Маттеа осталась с пятью детьми, ни один из которых не достиг пятнадцати лет, беременная шестым. Еще ей достались от мужа двести пятьдесят флоринов долга. Из них восемьдесят шесть Пиппо задолжал Медичи, одному из богатейших флорентийских семейств. Это была значительная сумма, учитывая, что самое высокое жалование приказчика в сукноторговле составляло сто флоринов в год, а многие приносили домой куда меньше пятидесяти флоринов¹⁰. Безуспешно пытаясь выплатить мужнины долги, Маттеа переезжала во все более дешевые комнаты. В 1433 году кредиторы (в их числе был и ее последний домохозяин) изъяли землю и дом в Антелле.

Веспасиано начал ходить в школу через год или два после смерти отца. Семьдесят-восемьдесят процентов флорентийских мальчиков посещали школу – куда более высокая доля, чем в других европейских городах¹¹. Между шестью и одиннадцатью годами Веспасиано обучался грамоте в какой-нибудь из начальных школ, которые назывались *botteghuzza*, то есть «маленькая мастерская». Первой его книгой, скорее всего, была жалкая брошюрка «Санта-кроче» на самом дешевом пергаменте, сделанном из кожи с козьей шеи. По ней он освоил алфавит и научился читать на тосканском диалекте, известном как «вульгарный язык», от латинского *vulgus* – «простой народ» или, грубее, «чернь». Другой его книгой могла быть «Бабуино», названная так потому, что школьники осваивали чтение, повторяя – обезьянничая – за учителями. Для сотен флорентийских школьников эти книги требовались постоянно, так что книготорговцам они приносили быстрый и стабильный доход¹².

Мальчики оканчивали *botteghuzza* лет в одиннадцать. Дальше они могли пойти в грамматическую школу и зубрить латинскую словесность, готовясь к юридической или духовной карьере, либо в арифметическую, где учили счетоводству, без которого не могли обойтись будущие флорентийские купцы. Если бы отец не умер, оставив огромные долги, и если бы матери не пришлось кормить столько детей, Веспасиано наверняка поступил бы в грамматическую школу и следующие четыре года погружался в латинскую литературу, а потом, возможно, отправился бы в университет.

Однако судьба распорядилась иначе. Примерно в 1433-м, в год, когда семья особенно бедствовала, Веспасиано закрыл учебники и в свои одиннадцать лет пошел работать. Отдали его не в торговлю шерстью, по отцовским стопам, а на улицу Книготорговцев.

В лавке Микеле Гвардуччи маленький Веспасиано наверняка с первых дней начал осваивать переплетное ремесло – завершающий этап в создании книги. Нужно было методично сложить по порядку десятки и даже сотни кропотливо исписанных листов, сшить их полосками кожи на сшивальном станке, а затем, для сохранности, закрепить между дощечками. По желанию заказчика дощечки могли обтянуть кожей, а кожу украсить металлическими наклад-

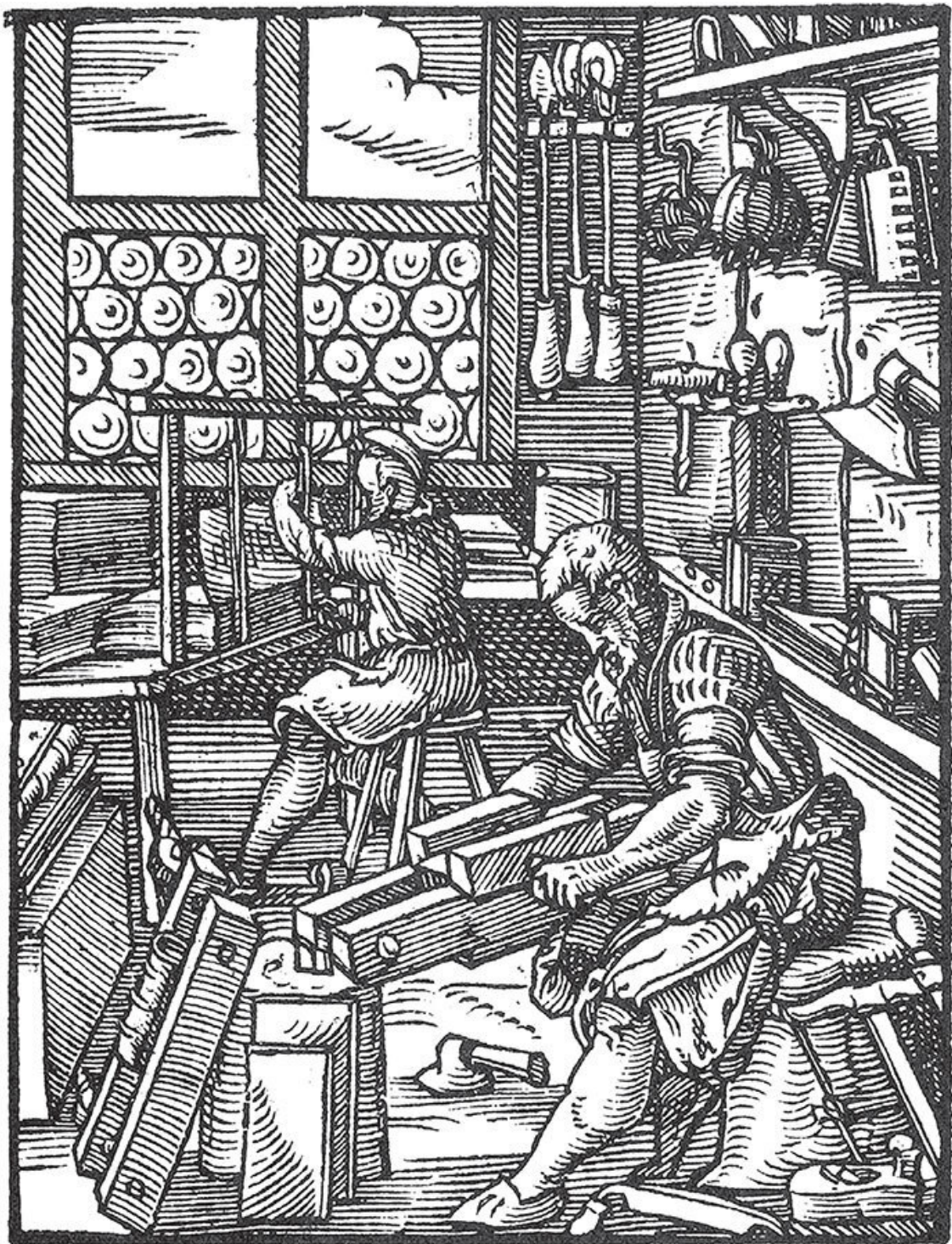
¹⁰ Об этих долгах см.: Ibid. P. 19; а также: *Roover Raymond de*. The Rise and Decline of the Medici Bank, 1397–1494. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1963. P. 183. О жалованьях см.: *Goldthwaite Richard A*. The Economy of Renaissance Florence. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2009. P. 86–87.

¹¹ Процент основан на оценке, которую Джованни Виллани приводит в своей хронике четырнадцатого века, см.: *Villani Giovanni*. Nuova Cronica / Ed. Giuseppe Porta. Milan: Guanda editore, 1991. Vol. 3. P. 198. Скептический ответ Пола Ф. Грендлера см.: *Grendler Paul F*. What Piero Learned in School: Fifteenth-Century Vernacular Education // Renaissance Education Between Religion and Politics / Ed. P. F. Grendler. Aldershot, Hants: Ashgate, 2006. IV. Note 6. P. 2–3. Более оптимистичные оценки см.: *Brucker Gene*. Renaissance Florence. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1969. P. 223; Education // Medieval Italy: An Encyclopedia / Ed. Christopher Kleinhenz. Abingdon, Oxon.: Routledge, 2004. P. 354–355; а также: *Witt*. What Did Giovannino Read and Write? P. 87–89.

¹² См.: *Lucchi Piero*. La Santacroce, il Salterio e il Babuino: Libri per imparare a leggere nel primo secolo della stampa // Quaderni Storici. Vol. 13 (May–August, 1978). P. 593–630.

ками или тиснением. А в зависимости от стоимости книги и ее назначения – например, если ее делали для монастырской библиотеки, или для церкви, или для любого другого места, где до нее могли добраться вороватые руки, – к драгоценному тому могли прикрепить металлическую цепь, чтобы приковывать его к скамье или к полке.

Все эти операции требовали силы, терпения и точности. Буковые доски подгоняли по размеру с помощью топора или пилы, а затем обрабатывали рубанком, листы пергамента выравнивали по обрезу, просверливали буравчиком и, чтобы не коробились, отбивали молотом. Немудрено, что на изображении переплетчиков, сделанном век спустя, показаны два мускулистых здоровяка среди аккуратно расставленных и развешенных напильников, топоров, лучковых пил, молотков, тисков, сшивальных станков и кожевенного инструмента.

Йост Амман. Переплетчики. Гравюра на дереве из «Книги ремесел» Ганса Сакса

Судя по всему, Веспасиано в совершенстве овладел ремеслом. Позже он славился, помимо прочего, качеством своих переплетов, которые для особо ценных томов обтягивал красным бархатом. Без сомнения, не менее важно для Гвардуччи было и другое обстоятельство: обаятельный молодой подмастерье умел привлечь покупателей. Кроме того, он был любопытен и хотел знать больше не только о переплетах и цепях, но и о том, что внутри книг. Очень скоро у него появились с посетителями лавки общие интересы, не связанные напрямую с коммерцией.

И впрямь, за короткое время Веспасиано познакомился со многими выдающимися людьми Флоренции – любителями мудрости, собиравшимися на углу улицы, – и, очевидно, произвел на них благоприятное впечатление. Ему повезло стать учеником Гвардуччи в те годы, когда политические события привели во Флоренцию многих знаменитых людей. Еще ему повезло, что именно в эти годы заново находились утерянные на века древние манускрипты, а папы и князья собирали обширные библиотеки, в которых книги служили не только украшением на потеху хозяйскому тщеславию, но и хранилищами мудрости, открытыми для других.

Флорентийские переписчики, ученые и книготорговцы стали передовым отрядом революции в познании. Флорентийское Возрождение вызывает у нас образы прекрасных фресок и алтарей, беломраморных статуй в динамичных позах и оранжевого купола над городским собором – всего того, что создали блистательные архитекторы, ваятели и живописцы. Однако для следующих веков не менее важны были флорентийские философы, те, кого потомок назовет «мудрыми и доблестными мужами», которым Флоренция «обязана всем своим величием»¹³. То были охотники за манускриптами, учителя, переписчики, библиотекари, нотариусы, священники и книготорговцы – книгочеи, которые сдули пыль с тысячелетий истории и попытались вообразить и создать другой мир: мир патриотического служения, дружбы и верности, утонченных радостей, мудрости и достойного поведения, справедливости, героизма и политических свобод – лучшее общество для счастливой и полноценной жизни.

Одним из первых молодым подмастерьем заинтересовался кардинал Джулиано Чезарини; он и ввел Веспасиано в заветный круг мудрых и доблестных мужей. Когда они познакомились в лавке Гвардуччи, Веспасиано было лет шестнадцать.

Кардинал Чезарини был выдающийся ученый и наставник, бывший преподаватель юриспруденции в престижном Падуанском университете. Хотя он происходил из благородного и древнего римского рода, в годы учебы ему пришлось хлебнуть бедности. Он сам переписывал себе учебники, потому что не мог купить, а когда служил учителем в богатых домах, собирал после пиршеств свечные огарки, чтобы дольше заниматься по ночам, – ибо в те годы для овладения знаниями требовались не только книги, но и запас свечей.

Поэтому Чезарини постоянно высматривал тех, чья тяга к знаниям была обратно пропорциональна финансовым возможностям. Он, очевидно, заметил Веспасиано как толкового и ревностного ученика. Они сдружились – молодой переплетчик и сорокаоднолетний кардинал, объездивший по делам папы всю Европу, от Оксфорда до Кракова. Однажды он сделал юноше заманчивое предложение – оплатить ему учебу для вступления в духовный сан. Чезарини дал молодому человеку пятнадцать дней на раздумья и по прошествии этого времени пришел за ответом. «Я сказал, что не хочу становиться священником», – вспоминал позднее Веспасиано. Кардинал огорчился, но не обиделся. «Он ответил, что если когда-нибудь сможет мне помочь, – писал Веспасиано, – то непременно поможет»¹⁴.

Кардинал Чезарини не сумел исполнить обещание, потому что год спустя погиб в битве с турками в Восточной Болгарии. Его останки так и не нашли на поле боя у Черного моря, однако речь на панихиде по нему произнес в Риме перед папой его друг, переписчик и ученый Поджо Браччолини, трудившийся в Римской курии, папском чиновничьем аппарате. Не исключено, что именно Поджо привел кардинала в лавку Гвардуччи и познакомил с Веспасиано. Он был сыном торговца пряностями из деревни в тридцати милях к юго-востоку от Флоренции, однако всегда подписывался «Поджо Флорентийский», гордо связывая себя с горо-

¹³ Цит. по: *Cochrane Eric*. Florence in the Forgotten Centuries, 1527–1800: A History of Florence and the Florentines in the Age of the Grand Dukes. Chicago: University of Chicago Press, 1973. P. 67.

¹⁴ *Vespasiano da Bisticci*. Vite di Uomini Illustri del Secolo XV / Ed. Paolo d'Ancona, Erhard Aeschlimann. Milan: Hoepli, 1951. P. 83. Везде, где не указано иное, цитаты взяты из этого издания. Описанный у Веспасиано разговор почти наверняка произошел в 1439 г., когда кардинал Чезарини был во Флоренции на Ферраро-Флорентийском соборе.

дом, куда, примерно в 1400-м, пришел двадцатилетним юношей учиться всего с несколькими монетами в кармане. Он выучился на нотариуса, недолгое время работал писцом, затем уехал в Рим, где получил место в курии. Там он трудился без радости и за низкую плату, мечтая о жизни «свободной от городской суеты», в которой располагал бы досугом писать книги и еще большим временем, чтобы их собирать¹⁵.

Другим посетителем лавки в те годы был друг Поджо Никколо Никколи, который, как и кардинал Чезарини, всегда готов был поддержать бедствующих учеников. Веспасиано познакомился с ним в 1433-м или 1434-м, когда Никколи было под семьдесят. Дородный, красивый, невероятно утонченный Никколи всегда носил длинную одежду сливового цвета. Он приглашал молодого человека обедать в свой дом, где тот дивился великолепию обстановки: мраморным статуям, античным вазам, мозаичным столам, древним надписям, карте мира, нарисованной выдающимися художниками. «Во всей Флоренции, – восклицал позже Веспасиано, – не было лучшего убранства»¹⁶.

Общество Никколи наверняка приводило молодого Веспасиано в восторг. Поджо называл его «ученейшим гражданином Флоренции»¹⁷ – титулом, за который состязались столь многие. Он был одним из городских чудес; позже Веспасиано утверждал, что «чужеземцам, посещавшим в те времена Флоренцию, казалось, что они вовсе не видели города, если не побывали в доме Никколо», который стоял неподалеку от собора, возле церкви Сан-Лоренцо¹⁸. Никколи дружил с Брунеллески, тогда уже завершавшим возведение купола, и, подобно Брунеллески, интересовался античной архитектурой. Он карабкался по развалинам амфитеатров и терм, измерял, засучив рукава, пропорции колонн, считал число храмовых ступеней. Еще он водил дружбу со скульпторами Донателло и Лоренцо Гиберти. «Жены не имел, – писал позже Веспасиано, – так как не хотел никаких помех своим занятиям», однако на протяжении тридцати лет содержал «для своих нужд» темпераментную любовницу по имени Бенвенута¹⁹. Ее он увел у одного из пяти младших братьев, а тот в отместку прибег к чудовищному старинному наказанию: ее раздели догола и выпороли на площади. Этот эпизод не улучшил отношения Никколи с братьями, уже и без того испорченные его привычкой продавать семейные владения (их отец был преуспевающим сукноторговцем), чтобы выручить средства на покупку книг.

Больше всего Никколи гордился своей библиотекой. Один из друзей одобрительно назвал его «ненасытным пожирателем книг»²⁰. Он владел более чем восемью сотнями рукописей – одним из самых больших и ценных книжных собраний Европы. Никколи собирал свои манускрипты, как он утверждал, «с великим прилежанием и рвением с тех пор, как вошел в возраст»²¹, то есть с тех пор, как оставил отцовское дело и посвятил себя ученым штудиям. В его библиотеке было более ста греческих манускриптов, иные пятивековой древности. Он обладал сочинениями Платона и Аристотеля, копиями «Илиады» и «Одиссеи», комедиями Аристофана, трагедиями Еврипида и Эсхила. Его собрание латинских трудов было еще обширнее: тридцать четыре тома одного лишь Блаженного Августина, шестнадцать томов Священного Писания. У него имелись древние трактаты по географии, праву, астрономии, архитектуре,

¹⁵ Two Renaissance Book Hunters: The Letters of Poggius Bracciolini to Nicolaus de Niccolis / Ed., trans. Phyllis Walter Goodhart Gordan. New York: Columbia University Press, 1974. P. 85. О жалобах Поджо на Римскую курию см. с. 39 и 51.

¹⁶ *Vespasiano da Bisticci*. Vite di Uomini Illustri. P. 443. Веспасиано познакомился с Никколи до возвращения Козимо Медичи во Флоренцию в октябре 1434 г., так как описывает происшествие с Никколи, случившееся в книжной лавке во время изгнания Козимо. Цит. в переводе Г. Д. Муравьевой.

¹⁷ Two Renaissance Book Hunters / Ed. Gordan. P. 21.

¹⁸ *Vespasiano da Bisticci*. Vite di Uomini Illustri. P. 438. Цит. в переводе Г. Д. Муравьевой с изменениями.

¹⁹ Ibid. P. 442.

²⁰ *Manetti Giannozzo*. Biographical Writings / Ed., trans. Stefano U. Baldassarri and Rolf Bagemihl. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. P. 129.

²¹ Цит. по: Ullman Berthold L., Stadter Philip A. The Public Library of Renaissance Florence: Niccolò Niccoli, Cosimo de' Medici and the Library of San Marco. Padua: Editrice Antenore, 1972. P. 89.

медицине, содержанию лошадей и скота. Он владел манускриптами на армянском и арабском, а также томом славянских гимнов.

Чего в библиотеке Никколи не было, так это книг на итальянском, «вульгарном языке», который оскорблял его чувства. Даже творения Данте были под запретом, ибо Никколи считал, что страницы «Божественной комедии» годятся лишь заворачивать рыбу или мясо. Почти так же его возмущало все, написанное на латыни за последнюю тысячу лет, ибо славный язык Цицерона, дышащий мощью Рима, привели в упадок небрежность и невежество христианских авторов и переписчиков. Он даже начал составлять руководство по латинскому правописанию для юношества, но так и не закончил, поскольку, по словам Веспасиано, «вследствие изошренности ума всегда бывал недоволен написанным»²².

Многое другое оскорбляло тонкую натуру Никколи. Письмо средневековых переписчиков с его угловатыми, плотно расположенными, часто налезавшими одна на другую буквами было не только некрасиво, но и почти нечитаемо. Наряду с мечтой возродить неиспорченную латынь Цицерона и вернуть архитектуру к изящной и упорядоченной красоте древнеримских строений, у Никколи была мечта создать то, что Поджо, разделявший его устремления, называл «письмом, напоминающим античное»²³, – аккуратное и пристойное начертание букв, какое, по мнению этих двоих, было в ходу у древних римлян. Многие манускрипты для своей библиотеки, в частности творения Цицерона, Лукреция и Авла Геллия, Никколи сам переписал своим отчетливым, с наклоном вперед, почерком. В этих манускриптах он, по словам Веспасиано, показал себя «великолепным переписчиком»²⁴.

²² *Vespasiano da Bisticci. Vite di Uomini Illustri*. P. 439. Цит. в переводе Г. Д. Муравьевой.

²³ *Two Renaissance Book Hunters*. P. 93.

²⁴ *Vespasiano da Bisticci. Vite di Uomini Illustri*. P. 435.

Eius autē quae iuncta morbos curat longe clarissimi auctores etiam
 altius quaedam agitare conati: rerum quoque naturae sibi cognitionē
 iudicauerunt: tanq̃ sine ea trunca & debilis medicina esset. Post
 quos serapion primus omnium nihil hanc rationalem disciplinam
 pertinere ad medicinam professus: in usu tantū & experimentis tam
 posuit. Quem apollonius & glaucias & aliquanto post herachides ta-
 rantinus: alij quoque non mediocres uiri sequuti ex ipsa professione se
 ΕΜΠΕΙΡΗΥΟΣ appellauerunt. Sic in duas partes ea quoque quae ui-
 di caret medicina diuisa est. Alij rationalem artem: alij usum tā-
 tum sibi iudicantibus. Nullo ^{uero} quom̃ quisquā post eos qui supra cō-
 prehensi sunt agitante nisi quod acceperat clonthe asclepiades me-
 dendi rationem ex magna parte mutauit. Ex cuius successoribus
 themison nuper ipse quoque quaedam in senectute deflexit. Et per
 hos quidem maxime uiros salutaris ista nobis professio increuit.
 Quoniā autē ex tribus medicinae partibus ut difficillima sic etiam
 clarissima est ea quae morbis medetur. ante omnia de hac dicen-
 dum est. Et quia prima in ea dissensio est quod alij sibi experimentoz
 tantūmodo notitiā necessariam esse contendunt. Alij nisi corporum
 rerumque ratione comperta non satis potente usum esse proponunt. In
 dicandum est quae maxime ex utraq; parte dicantur: quo facilius
 nostra quoque opinio interponi possit. INITIUM MEDICINAE.

Образец отчетливого, с наклоном вперед, письма Никколо Никколи

Обедая за столом у Никколи, где на белоснежной скатерти стояли фарфоровые блюда и хрустальные кубки, слушая, как хозяин рассказывает о Брунеллески или спорит с другими гостями, кто из философов выше, Платон или Аристотель, а затем вместе с хозяином восторгаясь бесценными томами в библиотеке, юный Веспасиано наверняка понимал, что всего за год-два вступил в дивное, блистательное общество. То был, как он позже вздыхал, *questo secolo aureo* — «сей золотой век»²⁵.

²⁵ Ibid. P. 295.

Веспасиано напишет это много десятилетий спустя, когда уже давно не будет в живых Никколи, Поджо и других любителей премудрости, познакомивших его с чудесами древних манускриптов. В сей золотой век он лицезрел достижения флорентийских живописцев, ваятелей и зодчих, таких людей, как Брунеллески и Донателло, «чьи творения, – писал он, – все мы можем видеть своими глазами»²⁶. И в то же время он десятилетиями наблюдал из своей лавки чудовищные потрясения: заговоры, эпидемии, войны, вторжения, а за пределами лавки – страшные убийства и мерзостные деяния «чрезмерной жестокости»²⁷. Все эти бедствия превратили волшебный мир его воображаемой Флоренции в то, что он в отчаянии назвал «землей забвения»²⁸.

Тем временем перемены происходили в ремесле самого Веспасиано. Пока король книготорговцев мира был в зените славы и делал для князей и пап роскошные манускрипты, написанные чернилами и пером, украшенные серебром и золотом, по другую сторону Альп, на берегах Рейна, немецкий ювелир Иоганн Гутенберг начал оттискивать на бумаге металлические буквы, превращая книги из рукописных в печатные, заменяя труд согбенного над пергаментом писца в механический типографский процесс, позволяющий воспроизводить тома знаний сотнями и тысячами. Начиналась новая эра.

²⁶ Ibid. P. 2.

²⁷ Ibid. P. 340.

²⁸ Vespasiano da Bisticci e il suo Epistolario. P. 162.

Глава 2

Пречистый древний свет

Не только Веспасиано, но и многие другие флорентийцы считали, что их город переживает золотой век. «Я безмерно рад, что родился в это счастливое время», – писал стихотворец, появившийся на свет, когда Веспасиано начинал работать на улице Книготорговцев²⁹. Все соглашались, что Флоренция прекрасна, богата и полна даровитейшими людьми. «Превосходство указанного города достойно изумления, – писал друг Никколо Никколи, – и никакое красноречие ему не смогло бы соответствовать»³⁰. Впрочем, это не мешало многим жителям Флоренции красочно ее расписывать. Они восхищались ее церквями и дворцами, чистыми улицами, четырьмя каменными мостами, перекинутыми через бурные воды Арно, величественными стенами с пятнадцатью воротами и восьмьюдесятью башнями. Они восхваляли процветающие окрестности, лежащие за этими стенами, богатые крестьянские хозяйства и сотни вилл на засаженных виноградниками склонах. «Взирающие на них не могут насладиться и насытиться зрелищем, – заключил друг Никколи. – Вся эта область справедливо называется неким раем, которому во всем мире ничего нет равного как по красоте, так и по радости»³¹.

Все это было заслугой самих флорентийцев. Многие считали, что их особая одаренность – наследие славных предков, древних римлян, основавших этот город около 80 года до н. э. Примерно в 1305 году Данте назвал Флоренцию «*la bellissima e famosissima figlia di Roma*» («прекрасной и славнейшей дочерью Рима»)³². Кое-какие следы римского происхождения сохранились – например, развалины акведуков, арок и театров, а также, как считалось, баптистерий (флорентийцы ошибочно полагали, будто это древний храм Марса, который первые христиане приспособили для своих целей). Впрочем, Флоренция была не так богата римскими руинами, как другие места в Италии, и флорентийцы могли бы утверждать, что римское наследие явственнее сохраняется в их нынешних достижениях, чем в крошащихся камнях.

Достижения эти были широко известны. Флорентийские банкиры и сукноторговцы с их конторами по всему миру, от Лондона до Константинополя, приносили городу неслыханные богатства. На эти деньги строились многочисленные дворцы и церкви, заказывались фрески и статуи для их украшения, на них же был возведен величественный собор, над которым в то время сооружали купол Брунеллески. Филиппо Брунеллески – типичный пример всепобеждающего гения, каких Флоренция словно бы без всяких усилий рождала в зодчестве, ваянии, живописи и литературе. «Сегодня, – писал один гордый флорентиец, обозревая городские красоты, – мы видим процветание искусств, которых не было в Италии десять веков» – то есть с падения Римской империи. «О мужи древности, – заключает он, – золотой век уступает времени, в котором мы живем сейчас»³³.

В нашу эпоху золотой век флорентийского Кватроченто ассоциируется в общественном сознании с другим термином. Через столетие после рождения Веспасиано итальянские литераторы начали использовать для описания поразительного расцвета культуры слово *rinascita*, видя в успехах изобразительного и словесного искусства «возрождение» Античности, возвращение к жизни эстетических и моральных ценностей древних римлян и греков. В девятнадца-

²⁹ Ugolino Verino. To Andrea Alamanni: In Praise of Poets and on the Splendor of His Time // Images of Quattrocento Florence: Selected Writings in Literature, History, and Art. Ed. Stefano Ugo Baldassarri and Arielle Saiber. New Haven: Yale University Press, 2000. P. 93.

³⁰ Bruni Leonardo. Panegyric of Florence // Ibid. P. 40. Цит. в переводе И. Я. Эльфонд.

³¹ Там же. С. 173.

³² Данте написал это в книге 1, главе 3 своего «Пира».

³³ Ugolino Verino. To Andrea Alamanni. P. 94.

том веке это желание открыть более глубокое и богатое прошлое породило самый известный и устойчивый термин – в 1855 году историк Жюль Мишле назвал эту эпоху «La Renaissance». Французское слово для итальянского феномена могли бы позабыть, не войди оно в исключительно влиятельную книгу, изданную в 1860 году в Базеле: «*Die Kultur der Renaissance in Italien*» («Культура Ренессанса в Италии») Якоба Буркхардта. В 1878 году она вышла в английском переводе. Буркхардт, швейцарский профессор истории, провел в Риме зиму 1847/48-го. Здесь он прочел книгу, напечатанную со старого манускрипта, незадолго до того найденного итальянским кардиналом в библиотеке Ватикана, и впервые опубликованную в 1839 году под названием «*Vitae CIII Virorum Illustrium*», то есть «Жизнеописания 103 замечательных мужей». Автором труда, согласно издателю, был Веспасиано Фьорентино («Веспасиано флорентиец»), о котором в 1839 году почти ничего известно не было. В книге содержались биографии знаменитых мужчин (и одной женщины) пятнадцатого века – от пап, королей, герцогов и кардиналов до различных ученых и поэтов, включая Никколи и Поджо. Этих выдающихся личностей объединяло то, что Веспасиано всех их знал, а многие даже были его близкими друзьями и постоянными клиентами. Он утверждал, что, располагая «многочисленными о них сведениями», написал эти биографии, «дабы их слава не исчезла»³⁴.

Находка манускрипта, в котором Веспасиано восславил золотой век Флоренции, имела далекоидущие последствия. Буркхардт приехал в Рим с целью обновить двухтомный учебник по истории искусств, написанный его бывшим учителем Францем Куглером. Однако прочитанные биографии изменили сферу его интересов: бурная интеллектуальная жизнь, о которой рассказал Веспасиано, теперь занимала Буркхардта больше изобразительных искусств, манускрипты и библиотеки – больше живописи и статуй. Что могло быть увлекательнее путешествия по столетию с таким проводником, как этот словоохотливый книготорговец, который со всеми накоротке и не прочь прихвастнуть знакомствами? Буркхардт назвал Веспасиано «первостепенным авторитетом во флорентийской культуре пятнадцатого века»³⁵, поскольку его знания были почерпнуты из личного знакомства почти со всеми видными политиками и деятелями культуры на протяжении более чем полувека. Буркхардта захватило и вдохновило описание мира правителей, философов и прелатов, чьими стараниями возводились великолепные библиотеки и возрождались к жизни латинские и греческие труды, утерянные или забытые на века. Рассказы Веспасиано помогли ему проследить интеллектуальное развитие и достижения пятнадцатого века, «возрождение Античности», как он это назвал, сумевшее «покорить весь западный мир»³⁶.

Книга Буркхардта и сама покорила весь мир. Немного найдется исторических сочинений, способных помериться с ней славой. По словам нынешнего ученого, это «один из самых убедительных и вдохновенных трактатов в истории современной историографии, практически создавший „идею Ренессанса“»³⁷. Блистательный трактат – вызывающий сегодня множество возражений – появился на свет в значительной мере благодаря книге Веспасиано, которая, по словам Буркхардта, была для него «бесконечно важна»³⁸.

Таким образом, биографии Веспасиано послужили созданию одного из самых знаменитых и любимых (пусть и временами обманчивых) нарративов: как открытие античных книг

³⁴ *Vespasiano da Bisticci. Vite di Uomini Illustri*. P. 3. Анджело Май опубликовал это сочинение как «*Vitae CIII virorum illustrium, qui saeculo XV existerunt*». Еще десятки биографий были впоследствии обнаружены в других манускриптах.

³⁵ *Burckhardt Jacob. The Civilization of the Renaissance in Italy* / Trans. S. G. C. Middlemore. Vienna: Phaidon Press, n.d. P. 306 (note 273).

³⁶ *Ibid.* P. 89.

³⁷ *Howard Thomas Albert. Jacob Burckhardt, Religion, and the Historiography of «Crisis» and «Transition»* // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 60 (January 1999). P. 150.

³⁸ Цит. по: *Pastor Ludwig von. Tagebücher – Briefe – Erinnerungen* / Ed. Wilhelm Wühr. Heidelberg: F. H. Kerle, 1950. S. 275. Буркхардт рассказал о значении Веспасиано другому историку, Пастору, а тот записал его замечание в своем дневнике.

«возродило» угасающую цивилизацию. Как бы ни была эта история знакома в общих чертах – и как бы ни нуждалась в уточнениях, возрождение Античности в пятнадцатом веке ставит множество вопросов. Почему мудрость древних затерялась? Какими средствами и из каких источников ее вернули? Зачем христианские ученые вообще стали разыскивать языческие сочинения? И почему Веспасиано, молодой человек скромного происхождения, без особых перспектив и без образования, оказался так важен для этой истории?

Для Жюля Мишле Средневековье воистину было «эпохой отчаяния»³⁹. Его ужас перед тем, что представлялось ему жалкими варварскими веками, наступившими после падения Римской империи в 476 году, во многом повторяет то отвращение, что за много столетий до него испытывал поэт и ученый Петрарка. Родившийся в 1304 году в Ареццо, в семье, изгнанной из Флоренции несколькими годами раньше, Петрарка сотни веков спустя был назван «первым современным человеком»⁴⁰. Парадоксальным образом он представляется «современным» не потому, что смотрел вперед, а потому, что устремил взор на тысячу и более лет в прошлое, к античным авторам. Древнюю литературу Петрарка полюбил еще в детстве. Под кроватью он держал собрание латинской классики. Отец, узнав об этом, разгневался и бросил книги в огонь – «как еретические», вспоминал позже Петрарка. Впрочем, увидев отчаяние сына, Петрарка-старший «быстро схватил две книги, уже почти сгоревшие, и, держа в правой руке Вергилия, а в левой – „Риторику“ Цицерона, вручил мне обе»⁴¹.

Всю дальнейшую жизнь Петрарка посвятил спасению того, что осталось от классических сочинений. Он был неутомимым путешественником и в 1330-х сновал между Италией и Францией, ездил во Фландрию, Брабант и Рейнскую область. Если по пути ему встречался монах-стырь, он останавливался и посещал библиотеку в надежде разыскать сокровища на затянутых паутиной полках. Он сделал множество поразительных открытий, пополнив свое собрание давно утраченными копиями таких авторов, как Цицерон, которым восхищался «столь же или даже больше, чем всеми, когда-либо написавшими хоть строчку»⁴². Обнаружение этих текстов определило часть его плана: восстановить мир римской славы, угасшей в «темные века» – слова, которыми он назвал столетия после гибели Римской империи⁴³.

³⁹ Michelet Jules. *The Witch of the Middle Ages* / Trans. L. J. Trotter. London: Woodfall and Kinder, 1863. P. 9.

⁴⁰ Nollac Pierre de. *Pétrarque e l'humanisme*, 2 vols. Paris: Librairie Honoré Champion, 1907. Vol. 1. P. 2. Нолак приписывает эту фразу философу девятнадцатого века Эрнесту Ренану.

⁴¹ Petrarch: *A Critical Guide to the Complete Works* / Ed. Victoria Kirkham and Armando Maggi. Chicago: University of Chicago Press, 2009. P. 135.

⁴² Petrarch. *On His Own Ignorance* // *The Renaissance Philosophy of Man* / Ed. Ernst Cassirer, Paul Oskar Kristeller, John Herman Randall. Chicago: University of Chicago Press, 1948. P. 115.

⁴³ О Петрарке как авторе выражения «темные века» см.: Mommsen Theodor E. Petrarch's Conception of the «Dark Ages» // *Speculum*. Vol. 17 (April 1942). P. 226–242.

Петрарка (1304–1374): поэт, ученый, путешественник, охотник за манускриптами

На самом деле столетия после гибели Римской империи были вовсе не такими беспроектными, как полагал Петрарка (и многие после него, как, например, Мишле). Сейчас историки согласны, что для Европы годы с 1000-х по 1300-е – период, который традиционно называют «Высоким Средневековьем», – были временем относительного процветания и продуктивности. Набеги викингов и мадьяр прекратились, население росло, возникали новые

города и селения, а также университеты в таких городах, как Болонья, Падуя, Саламанка и Оксфорд. Греческие научные трактаты – сочинения Птолемея, Гиппократ, Евклида – добрались до Запада в латинских переводах, как и все сохранившиеся труды Аристотеля. В Париже, Шартре и Реймсе возносились к небу шпили соборов; в последнем из них Герберт Аврилакский, будущий папа Сильвестр II, собрал обширную библиотеку античных авторов. Эти прекрасные новые церкви с их витражами и стрельчатыми арками, так непохожие на заброшенные античные руины, строились в стиле, известном как *opus modernum*, то есть «современная работа». И впрямь, к тринадцатому веку люди стали называть себя и свои труды *modern*, «современными», утверждая, что их культура выработала собственный уникальный стиль⁴⁴.

В эти столетия изобрели ветряную и водяную мельницу, а также тяжелый плуг, лошадиный хомут и трехпольную систему севооборота. Новшества дали толчок «первой европейской промышленной революции» (как назвал ее историк Фернан Бродель)⁴⁵ и обеспечили едой растущее население, которое за Высокое Средневековье почти удвоилось – с тридцати восьми до семидесяти четырех миллионов. Торговле способствовало появление системы двойной бухгалтерской записи и международных заемных писем. Делопроизводство стало еще эффективнее, когда возникли бумажные мануфактуры: в Испании в одиннадцатом веке, во Франции в двенадцатом, в Италии в тринадцатом. Даже погода помогала: то было время, которое климатологи называют «Средневековым климатическим оптимумом», когда средние температуры в Северном полушарии были выше, чем в предшествующие и последующие столетия, – примерно такими же, как в конце двадцатого века⁴⁶.

Безрадостный взгляд Петрарки на недавнюю историю, без сомнения, определило то, что он жил в эпоху, которую историк назвала «злосчастливым четырнадцатым веком»⁴⁷. Примерно во время рождения Петрарки, в начале 1300-х, восходящая кривая прогресса и процветания резко пошла вниз. Климат переменился: стало холоднее и ветреней, наступил так называемый «Малый ледниковый период»⁴⁸. Ледники наступали, лили дожди, посевы гибли, а люди умирали – один только голод в 1347 году во Флоренции унес четыре тысячи жизней. Крах двух крупнейших банковских домов Флоренции (Перуцци в 1343-м и Барди в 1346-м) из-за того, что английский король Эдуард III не вернул огромные деньги, взятые на дорогостоящую войну во Франции, привел к финансовому кризису. Сама война тянулась нескончаемо, как выразительно свидетельствует название, которое ей позже дали историки: Столетняя война. Ее битвы и осады прерывались регулярными вспышками чумы, не только Черной смертью 1348 года, уничтожившей по меньшей мере треть европейского населения, но и эпидемиями 1365, 1374, 1383, 1389 и 1400 годов.

Этот век характеризовался «яркостью и остротой жизни»⁴⁹, как выразился историк в классической работе. Жестокость была произвольной и бессмысленной. В 1343 году во Флоренции толпа убила прокурора, разорвала на части и пронесла куски его тела по улицам на копьях и мечех – «и так они были свирепы, так охвачены ненавистью и звериной злобой, – писал потрясенный хронист, – что ели сырое мясо»⁵⁰. Во Франции во время крестьянского вос-

⁴⁴ См.: Trapp Damasus. «Moderns» and «Modernists» in the MS Fribourg Cordeliers // Augustianum. Vol. 26 (July 1965). P. 241–270.

⁴⁵ Braudel Fernand. Civilization and Capitalism, 15th–18th Century. Vol. 3: Perspective of the World / Trans. Siân Reynolds. London: Fontana, 1984. P. 15–16.

⁴⁶ Grove Jean M., Switsur Roy. Glacial Geological Evidence for the Medieval Warm Period // Climatic Change. Vol. 30 (1994). P. 1–27; Grove Jean M.. Little Ice Ages: Ancient and Modern. 2 vols. London: Routledge, 2004. Vol. 1. P. 401.

⁴⁷ Tuchman Barbara. A Distant Mirror: The Calamitous 14th Century. New York: Alfred A. Knopf, 1978.

⁴⁸ См.: Grove. Little Ice Ages: Ancient and Modern; Idem. The Onset of the «Little Ice Age» // History and Climate: Memories of the Future? / Ed. P. D. Jones et al. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2001. P. 153–185.

⁴⁹ Huizinga Jan. The Waning of the Middle Ages: A Study of the Forms of Life, Thought and Art in France and the Netherlands in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Harmondsworth: Penguin, 1922. Цит. в переводе Д. В. Сильвестрова.

⁵⁰ Цит. по: Muir Edward. Ritual in Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 120.

стания 1358 года рыцаря зажарили на вертеле, а обгорелое мясо скормили его жене и детям. Во Флоренции в 1378 году случилось Восстание чомпи, когда поднялись тысячи бедных работников суконных мануфактур. Они сожгли дворцы богачей, поймали и убили палача и поставили свои виселицы – вешать *popolani grassi*, то есть «жирных».

Церковь не могла исправить прискорбное положение дел, поскольку сама находилась в плачевном состоянии. В 1308 году папа-француз Климент V перебрался из Рима в Авиньон. Новый папский престол стал, по мнению Петрарки, «Вавилоном на берегах Роны», исполненным всяческого порока. «В собирании всевозможных зол ты не просто велик, ты величайший, – писал Петрарка об авиньонском папстве. – Ты мать прелюбодеев и позор земли, нечестивая мать мерзостных отпрысков»⁵¹. Когда, почти семьдесят лет и полдюжины пап спустя, понтифики вернулись в Рим, в Авиньоне объявился папа-конкурент. В 1410-м три человека называли себя папами, в том числе бывший пират Бальтасар Косса, который, как утверждали, соблазнил триста вдов, девиц и монахинь, а вдобавок еще и жену брата.

Рим тем временем пришел в полный упадок. Волки бродили по улицам в таком числе, что за их убийство выплачивали награду. Люди ходили вооруженными, так что потребовался закон, по которому того, кто пускал в другого стрелы или бил камнями церковные витражи, штрафовали на крупную сумму. Понадобился даже закон, с еще большим штрафом, против заталкивания экскрементов кому-либо в рот. Петрарка, посетивший Вечный город в 1337 году, ужаснулся увиденному. «Мир изгнан, – сетовал он. – Бушуют междоусобицы и войны, здания повержены в прах, стены крошатся, церкви рушатся, священные предметы гибнут, законы попираются, правосудие оскорбляется, несчастные люди скорбят и стонут»⁵².

И все же этот умирающий, охваченный бесчинствами город хранил в себе ключи к лучшему миру. В начале 1370-х друг Петрарки Джованни Донди, астроном из Падуи, посетил Рим и был поражен увиденным. Он отметил в письме, что некоторые «чувствительные люди» рьяно выискивают и осматривают прекрасные римские древности. Всякий, кто глядел на эти античные статуи и барельефы – которые, как он отметил, высоко ценятся на рынке, – дивился их искусности и «природному гению» их творцов. Люди прошлого, вынужден был признать Донди, намного превосходили современных в зодчестве и ваянии. Более того, древние римляне были в большей мере наделены такими похвальными качествами, как справедливость, мужество, умеренность и осмотрительность. «Мы значительно ниже их умом», – горько заключил он⁵³.

Петрарка, впрочем, долго считал, что славу Рима не возродить. Он заключил свою поэму «Африка» (1339) оптимистичной нотой, но относилась она к будущему. Для себя он видел мало надежды, ибо ему суждено жить «среди разброда, смут и раздоров», среди бедствий его обреченного времени. Однако лучший век, несомненно, наступит! «Сей сон летеиский не может длиться без срока, – писал он, – мрак расточится, поздним потомкам вновь отворится тропа к пречистому древнему свету»⁵⁴.

Никколо Никколи был, фигурально выражаясь, одним из дальних потомков Петрарки, и он тоже страстно желал купаться в пречистом древнем свете. Секрет культурного обновления, на его взгляд, заключался в творческом подражании античным образцам. Подобно Петрарке,

⁵¹ Цит. по: *Coogan Robert*. Petrarch's Liber sine nomine and a Vision of Rome in the Reformation // *Renaissance and Reformation / Renaissance et Réforme*. New Series. Vol. 7 (February 1983). P. 5.

⁵² Цит. по: *Wilkins Ernest Hatch*. Life of Petrarch. Chicago: University of Chicago Press, 1961. P. 201. О законах касательно волков, стрел и экскрементов см. забавный список статутах четырнадцатого века: *Brentano Robert*. Rome Before Avignon: A Social History of Thirteenth Century Rome. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 130–131.

⁵³ См.: A Letter of Giovanni Dondi dall'Orologio to fra' Guglielmo Centucri: A Fourteenth Century Episode in the Quarrel of the Ancients and the Moderns / Trans. Neal Gilbert // *Viator*. Vol. 8 (1977). P. 299–346.

⁵⁴ *Mommsen*. Petrarch's Conception of the «Dark Ages». P. 240 (перевод слегка изменен). Цит. в переводе М. Л. Гаспарова.

он страдал от мысли, что древнее знание утеряно из-за, как скорбно выразился их общий с Веспасиано друг, «безразличия наших предков»⁵⁵. Действия, которые Никколи и его друзья предприняли, дабы вернуть и распространить эти знания, – в том числе совместно с Веспасиано, – сделали Италию (и Флоренцию, в частности) культурным светочем Европы.

Однажды на Страстной неделе примерно в 1400 году Никколи собрал у себя друзей. В их числе был Леонардо Бруни, ученый и переводчик, который позже записал тот разговор. Бруни суждено было стать одним из самых знаменитых и влиятельных флорентийских гуманистов. Он родился около 1370 года в Ареццо, там же, где Петрарка, чей портрет, увиденный в детстве, возбудил в нем страсть к литературе. В 1390-х Бруни приехал во Флоренцию изучать право, но в скором времени переключился на изучение греческого и быстро освоил его так, что смог переводить Аристотеля на латынь. Если учесть число его манускриптов, циркулировавших в Европе, Бруни можно в современной терминологии назвать автором бестселлеров⁵⁶. Ученость его почитали так, что Веспасиано однажды наблюдал трогательное зрелище: посол испанского короля преклонил перед Бруни колени. «Он был столь красноречив и учен, – писал Веспасиано, – что достиг того, чего за тысячу лет не удавалось никому другому»⁵⁷. Итак, по мнению Веспасиано, Бруни был самым эрудированным и образованным человеком со времен падения Рима.

В 1427 году Бруни стал канцлером Флоренции, то есть высшим государственным служащим республики, под началом которого находились чиновники, занятые административными обязанностями и делопроизводством. Бруни, хоть и родился в Ареццо, был великим патриотом Флоренции. В тот вечер на Страстной неделе он сказал Никколи, что именно их город в силу своего величия способен возродить ученость через такие дисциплины, как грамматика и риторика. Никколи, впрочем, не верил в возрождение учености, во Флоренции или где-либо еще, поскольку знания, необходимые для такого возрождения, утеряны или уничтожены. В качестве примера он начал перечислять утраты. Где великие творения Варрона, Саллюстия и Плиния Старшего? Где недостающие книги римской истории Ливия? Столько великих философов и поэтов – всего лишь призраки, мелькающие порой на обрывках пергамента или в цитатах, списанных из сомнительных источников.

⁵⁵ Manetti. Biographical Writings. P. 129.

⁵⁶ Hankins James. Plato in the Italian Renaissance. 2 vols. Leiden: Brill, 1990. Vol. 1. P. 95.

⁵⁷ Vespasiano da Bisticci. Vite di Uomini Illustri. P. 249.

Леонардо Бруни (ок. 1370–1444): «Он достиг того, чего за тысячу лет не удавалось никому другому»

В числе любимых книг Никколи были «Аттические ночи», чудесная мозаика из текстов по истории, философии, юриспруденции, грамматике и литературной критике, написанная во втором веке нашей эры римлянином Авлом Геллием, который назвал свой труд «некой кла-

довой учености»⁵⁸. Копия «Аттических ночей» в собрании Никколи была фрагментарной, и все равно она содержала отрывки из классических сочинений, полностью неизвестных, если не считать редких цитат в других античных текстах – в том числе из трактата Цицерона «О государстве». Так же и Никколи с его друзьями улавливали древнюю премудрость – редкие и дразнящие фрагменты, почти случайно обнаруженные на страницах других сочинений, которые и сами по себе испорчены и неполны.

Мерой этих невосполнимых потерь был римский автор Марк Варрон, библиотекарь Цезаря и, возможно, самый сведущий человек античного мира. Он написал сотни книг, охватывающих практически все сферы человеческой мысли и деятельности. Геллий между делом упоминал или цитировал множество творений Варрона: «О поэтах», «О сельском хозяйстве», «О делах человеческих», «О долге супруга», «О воспитании детей» и «Седмицы» (в которых, по объяснению Геллия, рассказывалось «о достоинствах и многочисленных разнообразных свойствах числа семь»)⁵⁹. Ничто из этих энциклопедических познаний не сохранилось, за исключением одного трактата на латыни (посвященного Цицерону), который в 1350-х обнаружил в бенедиктинском монастыре флорентийский писатель Джованни Боккаччо. История этой находки – прискорбное свидетельство того, как в «темные века» пренебрегали ученостью. Боккаччо нашел манускрипт Варрона, список одиннадцатого века, в библиотеке, где не было двери, в окнах росли сорняки, а на книгах лежал толстый слой пыли. Многие манускрипты были чудовищно изуродованы; по словам Боккаччо, монахи, чтобы заработать, «вырывали листы пачками» и делали из них книжки для детей или нарезали пергамент полосками, изготавливали амулеты и продавали женщинам⁶⁰. Боккаччо предпринял срочную спасательную операцию: украл манускрипт из библиотеки и увез во Флоренцию, где присоединил к своему собранию.

Еще критичнее была утрата самого полного учебника риторики – искусства произносить убедительные речи, – составленного в Древнем Риме: «Риторических наставлений» Квинтилиана. Риторика была важной частью римской жизни и культуры. Она занимала центральное место в обучении, а умение говорить ценилось не меньше воинской доблести. Убедительные речи произносились в сенате, на похоронах и в других ситуациях, в том числе во время судебных разбирательств, проводившихся на Форуме – одна из сцен, на которой блистал Цицерон, – и собирали огромные толпы зрителей. Квинтилиан был самым прославленным учителем риторики в имперском Риме. За свою двадцатилетнюю карьеру (примерно между 70 и 90 годами н. э.) он обучил многих будущих витий и государственных мужей, в том числе наследников императора Домициана. «Глава наставников юношей шатких» – назвал его поэт Марциал, свидетельствуя, как успешно Квинтилиан воспитывал молодых римлян⁶¹. Квинтилиана почитали так, что римский книготорговец Трифон «ежедневно, с великой настойчивостью» осаждал его просьбами «распространить свою премудрость еще шире»⁶². Квинтилиан согласился, отчасти потому, что, как он жаловался, под его именем обнародовали «пиратские» записи его лекций, сделанные слушателями. Огромный текст Квинтилиана, который появился в Риме примерно в 90 году н. э., был учебником и для родителей, и для учителей. Он включал двенадцать томов подробных указаний не только как выучить детей читать, писать и правильно говорить, но и как вырастить их здоровыми, счастливыми и добродетельными. Например, Квинтилиан выступал против телесных наказаний, потому что боль, страх и стыд порки часто ведут к ужасным

⁵⁸ *Aulus Gellius. Attic Nights. Vol. 1. Books 1–5 / Trans. J. C. Rolfe. (Loeb Classical Library 195). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1927. P. xxvii.*

⁵⁹ *Ibid. P. 267. Цит. в переводе А. Б. Егорова, А. П. Бехтера (с изменениями).*

⁶⁰ Цит. по: *Clark A. C. The Reappearance of the Texts of the Classics // The Library (1921). P. 20–21.*

⁶¹ Цит. по: *Quintilian. The Orator's Education. Vol. 1 / Ed., trans. Donald A. Russell. (Loeb Classical Library 124). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. P. 2. Цит. в переводе Ф. А. Петровского.*

⁶² *Quintilian. The Orator's Education. Vol. 1. P. 51.*

последствиям, так что ребенок «приходит в уныние, скучает и от сообщества других удаляется»⁶³. Большую часть книги занимали советы, как произносить публичные речи. Тут было все – от рекомендаций, как заучивать отрывки (Квинтилиан рекомендовал систему символов), до того, как тренировать и поддерживать голос (при помощи растираний маслом). Его ученики должны были стать кастой граждан и политиков, людей, которые, как он надеялся, будут «способны управлять общественными и частными делами»⁶⁴. А главное, он чаял создать того, кого называл *vir bonus dicendi peritus* (муж честный, в слове искусный)⁶⁵, – человека, который соединит в себе ораторские умения и добродетель, кто употребит свое витийство на благо общества.

Большая часть Квинтилиановых наставлений была утрачена. В «темные века» его трудами мало кто интересовался. Как указывал Цицерон, риторика процветает лишь среди свободных людей, в обществах, где решения принимают «в собрании мужей»⁶⁶. В иерархических феодальных обществах с аграрной экономикой, возникших после гибели Римской империи, – государствах, где власть принадлежала епископам и князьям, а не выборным лицам, которым требовалось бы завоевывать умы и сердца сограждан пламенными словами или похвальными действиями, – не требовались советы, как произносить красивые речи и воспитывать привычку к добродетели. В итоге из множества копий, по которым учили в римских школах времен Квинтилиана, по всей видимости, не уцелело ни одной. «Риторические наставления» сохранились только в манускриптах многовековой давности, в которых не хватало больших кусков текста.

Впрочем, с миграцией населения в города и возникновением купеческого сословия интерес к Квинтилиану вернулся. В таких городах, как Флоренция, где у власти были именитые граждане, которым требовалось произносить речи, собирать голоса и добиваться желаемого согласием, а не силой, вновь появился спрос на уроки ораторского искусства. Флоренция была республикой, а не герцогством или княжеством, где люди жили под властью тирана. «Нашей республикой управляют тысячи мужей», – с гордостью писал в 1390-х флорентийский политик⁶⁷. И впрямь, примерно шесть тысяч человек (при общей численности населения около сорока тысяч) имели право избираться на различные должности, а также входить в комитеты и особые комиссии – оживленные форумы для речей и дебатов. Записи этих заседаний показывают, как ораторы убеждением улаживали разногласия и примиряли спорщиков. «Но в конечном счете все согласилось», – сообщает об итоге обмена речами протокол 1401 года⁶⁸.

В такой политической обстановке ценность трактата о произнесении речей была неоспоримой. «Ибо что может быть лучше, чем владеть чувствами, – спрашивал флорентийский политик, – дабы слушающий отправился, куда вы пожелаете, и вернулся оттуда, преисполненный благодарности и любви?»⁶⁹ На протяжении многих лет при одном лишь слухе о полном манускрипте Квинтилиана сердца ученых начинали биться чаще. Когда Петрарка раздобыл фрагмент «Риторических наставлений», он написал пламенное письмо давно умершему Квинтилиану, в котором радовался своему счастью, но сетовал, что его новый друг *discerptus et lacer* – «порван и растерзан»⁷⁰. У Боккаччо тоже была копия Квинтилиана, но, как указывает опись его библиотеки, *incompletus* (неполная)⁷¹. Десятилетия спустя поиски не прекращались. Лео-

⁶³ Ibid. P. 101. Здесь и далее цит. в переводе А. Никольского.

⁶⁴ Ibid. P. 57.

⁶⁵ Ibid. P. 197.

⁶⁶ Cicero. On the Orator. Books 1–2 / Trans. E. W. Sutton, H. Rackham. (Loeb Classical Library 348). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1942. P. 23.

⁶⁷ Цит. по: Witt Ronald G. Coluccio Salutati and His Public Letters. Geneva: Librairie Droz, 1976. P. 62.

⁶⁸ Le «Consulte» e «Pratiche» della Repubblica fiorentina nel Quattrocento / Ed. Elio Conti. Florence: Università di Firenze, 1981. Vol. 1. P. 309.

⁶⁹ Цит. по: Renaissance Debates on Rhetoric / Ed., trans. Wayne A. Rebhorn. Ithaca: Cornell University Press, 2000. P. 19.

⁷⁰ Цит. по: Classen C. Joachim. Quintilian and the Revival of Learning in Italy // Humanistica Lovaniensia. Vol. 43 (1994). P. 79.

⁷¹ Цит. по: Coulter Cornelia C. Boccaccio's Knowledge of Quintilian // Speculum. Vol. 22 (October 1958). P. 491.

нардо Бруни утверждал, что, если не считать нескольких утраченных трудов Цицерона, о сочинении Квинтилиана «скорбели более, нежели обо всех других»⁷².

Таким образом, античные идеи и тексты ценились, поскольку их можно приложить к конкретным политическим и общественным проблемам. Если бы творения древних греков и римлян удалось найти и если бы их тщательно проштудировали и правильно поняли, они бы научили современных итальянцев, как лучше воспитывать детей, как писать более вдохновляющие речи, как разумнее и умереннее управлять, как вести более справедливые и успешные войны – короче, как создать более стабильное и безопасное общество, чем то, в котором они жили последние несколько веков.

Возможно, как надеялся Никколи, книги Квинтилиана и других античных авторов по-прежнему где-то лежали, дожидаясь, когда их найдут. Быть может, ученость еще можно возродить, и пречистый древний свет рассеет тьму невежества.

В утрате стольких античных сочинений были повинны не только безразличные феодалы или алчные и нерадивые монахи, не только наводнения, пожары, прожорливые мыши, подкожные оводы и книжные черви. Все эти обстоятельства сыграли свою роль, но была и еще одна причина, почему сохранилось так мало текстов: технология изготовления книг.

Древние греки и римляне не писали на бумаге и пергаменте⁷³. Вместо этого они экспериментировали с пальмовыми листьями, древесной корой, восковыми табличками и наконец перешли на папирус – тростник, который рос в египетских болотах и который египтяне, естественно, использовали для своих документов. Греки называли это растение библос (βιβλος) по древнему финикийскому порту Библ (на побережье нынешнего Ливана), из которого греки ввозили папирус. Название города и растения запечатлелось в слове «библион» (βιβλίον), книга; этот корень сохранился в «библиографии», «библиофиле» и «библии». Римляне вслед за греками стали писать на этом тростнике, однако книги свои называли не в честь папируса (от этого названия произошло слово «*paper*», бумага), а в честь его лыка, *liber*. От этого латинского термина происходят такие слова, как «*library*» (библиотека) и «*librarian*», библиотекарь, а также название книги в итальянском и испанском (*libro*), французском (*livre*) и ирландском (*leabhar*).

Изначально папирус использовали как топливо и употребляли в пищу, из него делали вилки, ложки, миски, а также паруса и канаты для ладей, сновавших по Нилу, и даже сами ладьи. Плиний Старший, когда в семидесятых годах нашей эры составлял свою «Естественную историю», утверждал, что на папирусе писал Александр Великий примерно в 332 году до н. э., когда основал Александрию. Плиний описывал, как волокна луба – *libri* – сплетают в сетку на столе, смоченном мутной нильской водой, которая служит клеем. Следом лист прижимали прессом, затем сушили на солнце, а после зачищали неровности раковинами. В Древнем Риме были доступны разные сорта папируса, в том числе «харта амфитеатрика», названная по месту своего производства, Александрийскому амфитеатру. Чтобы польстить тщеславию императора Августа, высший сорт называли в его честь (а второй – в честь его супруги Ливии).

Листы папируса не складывали и не переплетали, как книжные страницы. Вместо этого их соединяли один с другим в длинный свиток, который наматывали на две палочки, по одной с каждого конца. Готовое изделие называлось *volumen*, от латинского *volvere*, вращать, отсюда и происходит слово «*volume*», том. Читатель разворачивал книгу, наматывая на вторую палочку уже прочитанный текст. Таким образом, знания получали, прокручивая свиток в девять-десять дюймов шириной и длиной в размотанном виде метров девять. Все библиотеки Древнего мира – и та, которую выстроили Птолемеи в Александрии, и та, которую в первом веке до н. э. создал

⁷² Цит. по: Two Renaissance Book Hunters. P. 192.

⁷³ Великолепный исторический обзор, как делались книги, см.: *Stoicheff Peter. Materials and Meanings // The Cambridge Companion to the History of the Book / Ed. Leslie Howsam. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 73–89.*

в Риме на Авентинском холме Азиний Поллион, – были полны этими огромными катушками премудрости.

Такой формат был знаком всему Средиземноморскому миру. Впрочем, конкуренция между библиотеками вскоре привела к появлению новой технологии. После 200 года до н. э. один из Птолемеев, обычно называемый Птолемей V Эпифан, запретил вывозить из Египта папирус, дабы насолить правителю Пергама Евмену II, который задумал создать библиотеку еще больше Александрийской. Вынужденный искать замену дефицитному папирусу, царь Пергама (чьи владения находились в современной Западной Турции) догадался использовать кожу животных. Продукт получил название по городу – латинское *pergamenum*, так что пергамент хранит в этимологии эхо своего предполагаемого возникновения. История папирусного эмбарго, впервые рассказанная библиотекарем Юлия Цезаря, плодовитым Марком Варроном, вполне может быть совершеннейшей выдумкой. Парфянские документы, составленные задолго до того времени на территории нынешнего Северо-Восточного Ирана, писались на коже, как и некоторые тексты на древнееврейском (в том числе большая часть свитков Мертвого моря). Впрочем, кожи животных, на которых писали в Пергаме, обрабатывали особым образом: их дубили, выдерживали в известковом растворе, выскабливали и растягивали, чтобы создать более ровную, тонкую и долговечную поверхность для письма⁷⁴.

Пергамент у древних римлян так и не прижился, возможно из-за репутации некачественной замены. И тем не менее в последней четверти первого века нашей эры в некоторых римских книжных лавках можно было встретить пергамент, не скатанный в свитки (хотя в первых экспериментах с пергаментом использовался и этот формат), а разрезанный на прямоугольнички, которые скрепляли между собой. По-латыни «скреплять» – *pangere*, а отсюда через латинское *pagina* возникло английское слово «page» (страница). Внезапно оказалось, что можно читать, переворачивая пергаментные страницы, а не разматывая папирусный свиток.

В числе тех, кто перешел на новый формат, был римский поэт Марциал. В середине восьмидесятых годов нашей эры он написал эпigramму, в которой рекламировал свои сочинения в новом формате: «Ты, что желаешь иметь повсюду с собой мои книжки / И в продолжительный путь ищешь как спутников их, / Эти купи, что зажал в коротких листочках пергамент». Их преимущество, по мнению Марциала, заключалось в компактности и удобстве для путешествий. Даже «Илиаду» и «Одиссею» выпускали так, на многих листочках кожи. Чтобы покупатель напрасно не бродил по городу в поиске карманных книжиц, Марциал любезно указал адрес: у Секунда, бывшего раба, чья лавка располагалась за храмом Мира⁷⁵.

Несмотря на энтузиазм Марциала, новый формат популярности не завоевал, и папирусные свитки оставались основным носителем для классической литературы вплоть до падения Рима в пятом веке. Однако, если язычники презирали новую технологию, ее охотно приняла другая культура: последователи Христа. Ранние христиане легко отказались от длинных свитков в пользу прямоугольных листов. Возможно, они полюбили этот формат, поскольку им трудно было достать папирус, а также за его преимущества: долговечность, страницы, позволявшие быстрее находить нужное место, и экономию материала, ведь на пергаменте можно было писать с двух сторон. Так или иначе, *библион*, или *liber*, получил новое название: «*codex*». Римляне иногда использовали для счетов, записок, черновиков и других временных записей таблички, покрытые воском и скрепленные кожаными шнурками. Стопка таких табличек называлась «*caudex*», буквально «ствол дерева». Когда пергамент заменил дерево, слово превратилось в «*codex*».

⁷⁴ О мифе, а также о том, что можно извлечь из доступных исторических свидетельств, см.: Johnson Richard R. Ancient and Medieval Accounts of the «Invention» of Parchment // California Studies in Classical Antiquity. Vol. 3 (1970). P. 115–122.

⁷⁵ Martial. Epigrams / Ed., trans. D. R. Shackleton Bailey. (Loeb Classical Library 94). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. P. 43. Цит. в переводе Ф. А. Петровского.

С распространением христианства пергаментные кодексы стали основным форматом для сохранения знания. Отцы Церкви, такие как святой Иероним и святой Августин, писали и на папирусе, и на пергаменте, однако Иероним в одном из писем рассказал, как в библиотеке Кесарии, милях в сорока к западу от Назарета, два священника заменяли ветхие папирусные свитки, копируя тексты на пергамент. Этот процесс происходил по всему Средиземноморью: свитки заменялись кодексами. Когда в 331 году император Константин приказал скопировать пятьдесят Библий для церквей в его новой столице, Константинополе, он повелел изготовить их «на выделанном пергаменте» в виде «томов, удобных для чтения и легко переносимых для употребления». Итогом этой работы стали не папирусные свитки, а роскошные тома в «великолепных переплетах»⁷⁶. (Единственный уцелевший из этих списков, известный как Ватиканский кодекс, на более чем восьмистах листах пергамента, – самая древняя сохранившаяся копия Библии.)

Таким образом, христианство изменило не только моральные и эстетические ценности, но и технологию знания. И то и другое поставило под угрозу сохранность античной премудрости. Папирус был недолговечен; один римский поэт сетовал на «книжных червей, проедающих в папирусе дыры», другой, Марциал, со смехом вспоминал, как его свитки пожирала жучка или как в них заворачивали маслины и рыбу⁷⁷. Чтобы латинские сочинения Древнего Рима пережили следующие столетия, их требовалось перенести на пергамент. Однако зависело это от того, сочтут ли ранние христиане – переписчики книг, – что творения их языческих предков достойны сохранения и изучения.

Многие христиане порицали язычников. Богослов Тертуллиан, перешедший из язычества в христианство в Карфагене около 200 года, вопрошал другого христианина: «Что Афины Иерусалиму?»⁷⁸ Еще более пылко отрекся от них Иероним. Примерно в 373 году он отправился через Малую Азию в Иерусалим, прихватив с собой труды языческих авторов, которых изучал в Риме, и в сравнении с отточенной латынью Цицерона и Плавта стиль Ветхого Завета казался ему грубым и диким. По дороге Иероним заболел лихорадкой, и ему было видение, в котором он предстал пред Богом-Судией и на вопрос о вероисповедании ответил: «Я христианин», на что получил суровый ответ: «Не христианин ты, а цicerонианец». Затем в видении ангелы принялись хлестать его бичами и жечь огнем.

Однако вовсе не все христиане были так суровы к латинским и греческим авторам. На каждого Тертуллиана имелся Климент Александрийский, который примерно в 200 году нашей эры назвал языческую философию «служанкой теологии». Философия, по его словам, служила грекам «подготовкой» к христианской вере, «учением, пролагающим и выравнивающим путь к Христу, который приводит ученика к совершенству»⁷⁹. Также и святой Августин отмечал, что, хотя языческие писатели, такие как Платон, сочинили много нелепых выдумок, противных христианской вере, они же сказали немало, с ней согласного. В своем сочинении «Об истинной религии», которое написал около 390-го, через несколько лет после того, как в тридцать два года принял христианство, Августин утверждал, что, живи Платон и Сократ в четвертом веке, они были бы добрыми христианами.

Августин считал, что христианин, читающий языческие труды, поступает как израильтяне, которые грабили египетские храмы и использовали золотые и серебряные сосуды в новых благочестивых целях. Даже Иероним со временем смягчился, найдя ободрение во Второза-

⁷⁶ Eusebius. The Life of the Blessed Emperor Constantine. London: Samuel Bagster and Sons, 1845. Book IV. P. 203–204.

⁷⁷ Propertius. Elegies / Ed., trans. G. P. Goold. (Loeb Classical Library 18). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. P. 343; Martial. Epigrams. P. 171.

⁷⁸ Цит. по: Tanner Thomas M. A History of Early Christian Libraries from Jesus to Jerome // The Journal of Library History (1974–1987). Vol. 14 (Fall 1979). P. 415.

⁷⁹ Clement of Alexandria. The Stromata, or Miscellanies // Greek and Roman Philosophy After Aristotle / Ed. Jason L. Sanders. New York: The Free Press, 1966. P. 306. Цит. в переводе Е. В. Афонасиной.

конии (21: 10–14), где говорилось, как поступать тому, кто, одержав победу над врагом, увидел среди пленных красивую женщину и полюбил ее. Всего-то и надо, говорилось в Библии, остричь ей голову, обрезать ногти, снять с нее пленническую одежду, и пусть «оплакивает отца своего и мать свою в продолжение месяца», после чего на ней смело можно жениться. Такой же санитарной обработки, по мнению Иеронима, требовали классические труды: если их тщательно обрезать и почистить, они станут пригодными для христиан.

Через тысячу лет после Августина и Иеронима, когда борьба христианства с языческой культурой осталась позади, античные авторы виделись куда меньшей угрозой. Средневековые еретики – катары, лолларды, гуситы – и даже ведьмы внушали церковным властям значительно большую тревогу. По сравнению с верой катаров, что чуть ли не весь Ветхий Завет написан сатаной, рассуждения древних, как стяжать мудрость или вести добродетельную жизнь, едва ли заслуживали костра. Еретиков преследовали и по временам массово уничтожали, творения же языческих авторов по большей части пребывали в забвении. Да, порой их гневно обличали; например, в 1405 году во Флоренции доминиканский монах призывал христиан держаться подальше от языческой литературы. «Книги язычников мало что читать не следует, – гремел он, – их вообще следует сжечь по указу властей»⁸⁰. Однако указа такого не воспоследовало, никто рукописей жечь не стал. Монаха высмеяли за плохую грамматику, и Никколи с друзьями продолжали свои штудии без помех, если не считать главной – отсутствия книг.

⁸⁰ Цит. по: *Field Arthur*. The Intellectual Struggle for Florence: Humanists and the Beginnings of the Medici Regime, 1420–1440. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 104.

Глава 3

Дивные сокровища

Однажды в 1431 году, за несколько лет до встречи с Веспасиано, Никколо Никколи своим красивым наклонным почерком написал список разыскиваемых книг, который послал кардиналу Чезарини. Папа Мартин V отправил Чезарини легатом в область, которая включала Германию, Богемию, Венгрию и Польшу. Сам Никколи никогда не путешествовал. Он долго задумывал отправиться в Константинополь, но Поджо, который сам много разъезжал по миру, предупредил Никколи, что тот слишком брезглив и нетерпим, чтобы мириться с неудобствами дальних странствий. Он был очень разборчив в еде, а мышинный писк или крик осла выводил его из себя. Одному его другу, монаху, приходилось всякий раз выбивать и чистить одежду, прежде чем войти к Никколи. «Он не желал видеть и слышать ничего неприятного», – писал другой его друг⁸¹. Так что в конце концов Никколи решил не покидать свои роскошные флорентийские апартаменты. Впрочем, если кто-нибудь из его друзей отправлялся в путешествие, особенно по другую сторону Альп, Никколи тут же предлагал советы, куда ехать и что там делать, ибо не сомневался, что в темных и сырых стенах французских и немецких монастырей еще таится множество ненайденных древних манускриптов.

Итак, кардинал Чезарини отправился с папской миссией, вооруженный списком книг, которые Никколи надеялся разыскать. Там перечислялись работы Цицерона, Тацита и Светония, а также места, где в последние годы были сделаны волнующие открытия, например бенедиктинское аббатство в Херсфельде⁸².

За два десятилетия до рождения Веспасиано были заново открыты многие древние манускрипты, в том числе большое число во Франции, в Германии и швейцарских кантонах. Один из молодых протеже Никколи сжато написал об этом в 1416-м: «В Германии множество монастырей с библиотеками, полными латинских книг»⁸³. И впрямь, утраченных классиков, скорее всего, можно было разыскать в этих северных монастырях, в землях, которые итальянцы считали варварскими. У Никколи были все основания надеяться, что его друг найдет по другую сторону Альп новые манускрипты. Впрочем, его постигло разочарование. В следующие годы кардинал и впрямь много разъезжал, но у него не было времени забираться далеко в немецкую глушь и выискивать забытые ветхие книги. Однако через много лет Никколи все же добился успеха, обратившись с такой же просьбой к Поджо.

Годы спустя Поджо поведал о своих невероятных приключениях Веспасиано, а тот изложил их в биографии бесстрашного охотника за манускриптами. Возможно, Веспасиано впервые услышал эти леденящие кровь рассказы за обедом в доме Никколи или на углу рядом с книжной лавкой.

Осенью 1414 года Поджо вместе со своим господином, папой Иоанном XXIII, прибыл в южногерманский город Констанц, где через несколько недель к ним присоединился Леонардо Бруни. Избранный в 1410-м Иоанн, бывший пират и соблазнитель бесчисленных женщин Бальтасар Косса, был одним из трех конкурирующих претендентов на престол Святого Петра. Он созвал собор на берегах Констанцкого озера, дабы уладить это досадное недоразумение, а заодно разобраться с еретиками, такими как гуситы, последователи богемского теолога Яна Гуса, желавшего реформировать церковь. За проблему Гуса взялись сурово: сожгли

⁸¹ *Manetti*. Biographical Writings. P. 127. Предостережения Поджо см.: *Two Renaissance Book Hunters*. P. 47. Другом-монахом был Амброджо Траверсари, который послушно выполнял требование.

⁸² Список Никколи можно найти в: *Robinson Rodney P. The Inventory of Niccolò Niccoli // Classical Philology*. Vol. 16 (July 1921). P. 251–255.

⁸³ Этим другом был Ченчо Рустичи, см.: *Two Renaissance Book Hunters*. P. 188.

сперва его книги, а затем для верности и его самого. Затруднение с множественностью пап решили менее удачным для Иоанна образом: его низложили. После приступа ярости, в котором, согласно Веспасиано, он попытался вышвырнуть священника в окно, экс-папа вынужден был переодетым бежать из Констанца. Вместе с Бруни он укрылся в аббатстве, где, как уверяет Веспасиано, они выжили, питаясь гнилыми грушами⁸⁴.

Охотник за манускриптами Поджо Браччолини (1380–1459)

Поджо остался в Констанце, но, после того как его господина так бесцеремонно низложили, нашел свободное время отправиться на баденские воды полечить свой ревматизм.

⁸⁴ *Vespasiano da Bisticci. Vite di Uomini Illustri. P. 250–251.*

Оттуда он писал Никколи, что с удовольствием наблюдает, как женщины, и старые и молодые, входят в воду, «показывая срамные части и ягодицы»⁸⁵. Никколи считал, что его друг может найти себе более полезное занятие. Как писал Веспасиано, «к нему обратились Никколо Никколи и другие учнейшие люди, прося его заняться поисками по местным аббатствам бесчисленных затерянных там латинских рукописей»⁸⁶. Поджо оставил баденские купальни и поехал в бенедиктинское аббатство Святого Галла, основанное семью веками раньше на месте кельи ирландского монаха.

Если книги христиан были пергаментными кодексами, то средства для их копирования и распространения находились в таких местах, как аббатство Святого Галла. После падения Римской империи церковь стала бастионом грамотности и книг. Много столетий книги бытовали почти исключительно в мире церковнослужителей. Манускрипты изготавливали и сохраняли монахи, которые, склонившись над пергаментом, прилежно переписывали для собственных библиотек тексты (часто одолженные у других монастырей). Иногда монастырь отводил для переписчиков особое помещение, называемое скрипторием, хотя чаще монахи копировали книги у себя в кельях или на открытом воздухе в клуатрах.

Классическая цивилизация Средиземноморья усерднее всего сохранялась не в солнечной Италии – которую между пятым и восьмым веком разоряли варварские набеги, – а в далеких северных землях, среди ирландских туманов, вересковых пустошей Нортумбрии и немецких лесов. «Все ученые мужи по эту сторону моря бежали, – писал наблюдатель в Галлии в то нелегкое время, – в области за морями, то есть в Ирландию»⁸⁷. В ирландских монастырях ревностно осваивали латинскую ученость. Особенно преуспел в этом Колумбан, который родился в Лейнстере примерно в 560 году. По легенде, когда мать носила его под сердцем, ей было видение: из нее вышло сияющее солнце, озарившее тьму мира. Когда ребенок родился, она начала готовить его к этой задаче: ее стараниями мальчик изучил грамматику, риторику, геометрию, а также Священное Писание. Около 590 года он с двенадцатью последователями пересек Ла-Манш, высадился на побережье Бретани и основал монастыри со скрипториями в бургундском Луксовии (ныне Люксёй) и в Боббио на севере Италии. Вскоре вблизи них возникли другие монастыри, такие как Фонтен и Корби. Аббатство Святого Галла – куда поехал Поджо – было основано на месте храма, где хранились мощи одного из двенадцати спутников Колумбана.

Позже через Ла-Манш основывать монастыри двинулись англосаксонские миссионеры, такие как Виллиброрд (который проповедовал фризам с 690-х годов) и Бонифаций (добравшийся до Утрехта в 716 году). Последний писал, что явился «просветить темные углы германских народов»⁸⁸. Монахи являлись вооруженные запасом книг и, подобно Колумбану и его спутникам, несли с собой характерное письмо, которое позже стало называться «инсулярным» или «островным пошибом», по своему происхождению из Ирландии. Англосаксонские миссионеры привезли с собой и кое-что еще: убеждение, что для церковных трудов необходима обширная библиотека. Хорошее собрание книг, согласно Бонифацию, было необходимо, чтобы внушить благочестие и почтение «занятым плотскими помышлениями» германцам⁸⁹.

Много десятилетий спустя в Европу прибыл Алкуин Йоркский. Примерно в 780 году, лет сорока от роду и уже известный как замечательный и сведущий наставник, Алкуин познакомился с Карлом Великим, королем франков и завоевателем грозных лангобардов. Так началось славное «Каролингское возрождение»; Карл Великий всячески поощрял литературные

⁸⁵ Two Renaissance Book Hunters. P. 26.

⁸⁶ *Vespasiano da Bisticci. Vite di Uomini Illustri*. P. 292. Цит. в переводе Г. Д. Муравьевой.

⁸⁷ Цит. по: *Clark. The Reappearance of the Texts of the Classics*. P. 14.

⁸⁸ Цит. по: *Beach Alison I. Women as Scribes: Book Production and Monastic Reform in Twelfth Century Bavaria*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 14.

⁸⁹ *Ibid.*

штудии, Алкуин же стал при нем своего рода министром образования. Карл Великий, хоть и не умел писать (он держал под подушкой дощечки для письма в тщетной попытке освоить буквы), глубоко почитал ученость и мудрость. Он выстроил библиотеку, повелел скопировать манускрипты на самые разные темы, от истории и богословия до естественных наук, и поощрял как монастыри, так и частных лиц приобретать книги. Тем самым он и его переписчики сохранили для будущих веков множество произведений, которые иначе погибли бы. От Каролингской эпохи, которая длилась от конца 700-х до конца 800-х, сохранилось примерно семь тысяч манускриптов⁹⁰. Многие из них были копиями с текстов, которые перенесли на пергамент с папируса в четвертом и пятом веках. Эти сокровищницы знаний не только сохранились и умножились после того, как писцы Карла Великого скопировали их своим изящным письмом, но и, благодаря монастырским библиотекам, обрели новое убежище в краях, которые раньше считались «варварскими» землями Северной Европы.

Внезапно, за пять столетий до того, как в 1300-х Петрарка начал разыскивать манускрипты, стало возможно мечтать о возрождении Античности. Как воскликнул поэт примерно в 805 году: «Наши времена преобразуются в древние лета. / Рим Золотой возродился и вновь является миру!»⁹¹ Притязания на возвращение «Золотого Рима» были смело подчеркнуты несколькими годами раньше, на Рождество 800-го, когда папа Лев III в римской базилике Святого Петра провозгласил новый титул Карла: «Карл Август, Богом венчанный великий римский император».

Возрождение древнего знания продолжалось и после смерти Алкуина в 804-м и Карла Великого в 814-м. Оно распространялось по территории, которая теперь звалась Священной Римской империей, и процветало в монастырях и школах Льежа, Корби, Херсфельда, Фульды и, разумеется, Святого Галла. Только в одном этом аббатстве к 830 году сто монахов прилежно переписывали манускрипты. Среди сокровищ библиотеки были даже древнейшие книги не на пергаменте и не на папирусе, а на древесной коре⁹².

Увы, великолепие обновленной империи оказалось недолговечным. После смерти Карла Великого его огромная библиотека рассеялась, а его наследники пали жертвой междоусобиц, раздоров и варварских набегов. Через несколько десятилетий аббат монастыря Корби, где разработали красивое и легко читаемое письмо, сетовал, что «столь славную страну» сгубили «чудовищные деяния варваров» и «безжалостные войны между своими же единоплеменниками, сопровождаемые разбоем и грабежами, крамолой и обманом». Как скорбно заметил внук Карла Великого Нитхард: «Прежде повсюду были изобилие и радость, теперь же везде нищета и уныние»⁹³. Манускрипты античных авторов, так недавно любовно переписанные и столь высоко ценимые, плесневели на монастырских полках, дожидаясь, когда, века спустя, за ними придут энтузиасты вроде Петрарки и Поджо.

Поджо приехал в монастырь Святого Галла летом 1416-го. Его сопровождали двое молодых друзей, Ченчо Рустичи и Бартоломео Арагацци, оба, как и он, члены Римской курии и знатоки греческого. Они были исполнены предвкушения, так как слышали, что в библиотеке хранится великое множество книг. Как позже писал Рустичи, они надеялись обрести труды

⁹⁰ О числе манускриптов см.: *Bischoff Bernhard. Manuscripts and Libraries in the Age of Charlemagne* / Ed., trans. Michael Gorman. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 116.

⁹¹ *Poetry of the Carolingian Renaissance* / Ed., trans. Peter Godman. Norman: University of Oklahoma Press, 1985. P. 192–193.

⁹² Друг Поджо Ченчо Рустичи сообщал, что видел книги, написанные на коре (*Two Renaissance Book Hunters*. P. 188). К сожалению, он не рассказал, что в них было. О числе писцов в монастыре Святого Галла см.: *Horn Walter, Born Ernest. The Plan of Saint Gall: A Study of the Architecture and Economy of, and Life in, a Paradigmatic Carolingian Monastery*. 3 vols. Berkeley: Los Angeles: University of California Press, 1979. Vol. 1. P. 151.

⁹³ Цит. по: *Booker Courtney M. Past Convictions: The Penance of Louis the Pious and the Decline of the Carolingians*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009. P. 5–6.

Цицерона, Варрона, Ливия «и других великих ученых мужей, почитавшиеся полностью утраченными»⁹⁴.

Хотя библиотека аббатства Святого Галла содержалась из рук вон плохо, там скоро нашлись интересные книги. Поджо позднее рассказывал Веспасиано, что извлек «из груды заброшенных бумаг, можно сказать, из кучи хлама» том Цицероновых речей. На тех же полках обнаружили и другие труды, в частности «Десять книг об архитектуре» Витрувия и список неоконченной эпической поэмы римского поэта Валерия Флакка «Поход аргонавтов» – «достойные сочинения», по словам Веспасиано⁹⁵. Впрочем, эти труды, пусть интересные и важные, не стали для молодых людей новостью. По меньшей мере две копии Витрувия имелись во Флоренции, включая ту, что принадлежала Джованни Боккаччо и хранилась вместе с остальными манускриптами – собранием примерно ста шестидесяти кодексов – в библиотеке монастыря Санто-Спирито.

Лишь когда трое друзей перешли из библиотеки в башню церкви, где хранились, а вернее, по выражению Поджо, томились в мрачной темнице другие книги, они сделали свое великое открытие. Сперва друзья пришли в ужас от увиденного: книги пребывали в небрежении, башня кишела насекомыми, повсюду были пыль, плесень и копоть. Все трое зарыдали при этом зрелище, скорбя о таком варварском обращении с латинской классикой. Рустичи гневно заклеил аббата и монахов как «отбросы человеческого рода», хотя и вынужден был признать, что итальянцы тоже постыдно обходились со своим великолепным наследием. Впрочем, скорбь вскоре обратилась в радость; они едва поверили своим глазам, когда обнаружили среди этого запустения книгу, которую их предшественники разыскивали более пяти веков: полную копию «Риторических наставлений» Квинтилиана.

Поджо пытался купить у монахов бесценный том, считая, что Квинтилиан «не может долее терпеть мерзость сего узилища, убогость окружения и жестокость тюремщиков». Когда аббат отказал ему, Поджо сел и за следующие тридцать два дня поспешно переписал весь текст. Много лет спустя он показал рукопись Веспасиано, и тот, как знаток подобных материй, восхитился «превосходнейшим письмом»⁹⁶.

Эпохальную находку Поджо встретили всеобщим ликованием. Узнав об открытии, Бруни и Никколи убеждали Поджо бросить все остальное и отправить манускрипт во Флоренцию. «О дивное сокровище! – восторгался Бруни. – О нечаянная радость! Неужто я увижу тебя, Марк Фабий, полным и неповрежденным, и сколь много ты будешь значить для меня теперь?»⁹⁷ В 1417-м Поджо получил письмо от друга, богатого венецианского ученого Франческо Барбаро, в котором тот восхвалял его за возвращение к жизни такого мудреца. Благодаря открытию Поджо, ликовал Барбаро, «наши потомки смогут жить достойно и честно». Мудрость древних, когда ее изучат и применят, «принесет человечеству больше пользы», ибо такое книжное учение будет давать преимущества «не только отдельным лицам, но и городам, народам и, наконец, всему роду людскому». Он мечтал, как однажды некто, облеченный «высшей государственной властью», погрузится в эти классические труды к будущему счастью человечества. По мнению Барбаро, Поджо сослужил огромную службу и правительству, и обществу в целом: его открытие будет способствовать «общественному благу»⁹⁸.

На следующий год после находки Квинтилиана Поджо отправился в такие места, как французский Лангр, немецкий Кёльн и Эйнзидельн в швейцарских кантонах. Он побывал в

⁹⁴ Two Renaissance Book Hunters. P. 188.

⁹⁵ *Vespasiano da Bisticci. Vite di Uomini Illustri*. P. 292. Цит. в переводе Г. Д. Муравьевой.

⁹⁶ Ibid. P. 292. Цит. в переводе Г. Д. Муравьевой.

⁹⁷ Two Renaissance Book Hunters. P. 192.

⁹⁸ Письмо Барбаро см.: Ibid. P. 197–201.

прославленном Фульдском аббатстве, где шестью веками раньше сорок монахов переписывали кодексы, привезенные из Англии англосаксонскими миссионерами. Он посетил Рейхнау, где спустя столетие после этого другие монахи копировали кодексы, созданные монахами Фульды. В этих и других монастырях он сделал новые открытия, в том числе нашел неполную копию «О природе вещей» Лукреция (этот труд был недоступен ученым более пятисот лет) и восемь прежде неизвестных речей Цицерона.

Все эти книги Поджо скопировал и отправил Бруни и Никколи во Флоренцию. Город приобретал славу главного места в Европе, где изучают, сохраняют и чтут классиков. Так к рождению Веспасиано в 1422-м древнее знание после своих путешествий по Европе и переездов туда-обратно через Ла-Манш и Альпы, после того как обрело прибежище в монастырях, где создавались новые кодексы, после веков забвения и разрушения наконец-то пришло во Флоренцию.

«Сколько же достойных сочинений извлекли на свет мессер Леонардо и мессер Поджо, – писал позже Веспасиано, – за что им пребудут благодарны писатели этого века, обогатившиеся бесценными знаниями!»⁹⁹ К тому времени, как он пришел в лавку Гвардуччи, усилиями Никколи, Поджо и их соратников появилась возможность мечтать о возрождении Древнего мира – на сей раз на берегах Арно.

⁹⁹ *Vespasiano da Bisticci. Vite di Uomini Illustri*. P. 293. Цит. в переводе Г. Д. Муравьевой.

Глава 4

Афины на Арно

Летом 1434-го, вскоре после того, как Веспасиано начал работать на улице Книготорговцев, во Флоренцию приехал именитый гость. Прибыл он накануне главного флорентийского торжества, Дня святого Иоанна, когда горожане надевали маски, жгли костры и смотрели турниры, парады, конные состязания и кровавые бои диких зверей. В тот год праздновали пышнее обычного, поскольку гостем был папа Евгений IV. Веспасиано вместе с толпой вышел приветствовать понтифика. Позже он описал, как его святейшество встретили на дороге из Пизы и сопровождали во Флоренцию самые видные горожане «со всей торжественностью, какая приличествует папе»¹⁰⁰.

Менее трех лет прошло с тех пор, как пятидесятиоднолетний знатный венецианец Габриэле Кондульмер, избранный папой, взял себе имя Евгений IV. Однако, несмотря на величие сана и пышную встречу, которую устроили ему флорентийцы, Евгений был сейчас бездомным беглецом. В молодости отшельник предсказал ему, что он станет папой и как папа испытает множество бедствий¹⁰¹. Оба пророчества полностью сбылись.

Констанцкий собор, который закончился в 1417-м, разрешил наконец проблему множественности пап. Он не только низложил Иоанна XXIII, но и принял отречение другого претендента, Григория XII, а также отверг притязания третьего, авиньонского антипапы Бенедикта XIII (который, впрочем, упорно продолжал назначать кардиналов и до самой смерти в 1423 году утверждал, что он-то и есть настоящий папа). В ноябре 1417-го собор избрал нового понтифика, римского кардинала Оддоне Колонна, который принял имя Мартин V. В сентябре 1420-го, после двадцатимесячного пребывания во Флоренции, он прибыл в Рим.

Папа Мартин был из влиятельного римского рода. Веками дом Колонна боролся за власть над Римом с другими аристократическими семействами, такими как Орсини и Франджипани. Из своих башен и крепостей, выстроенных на развалинах античных храмов и бань, они вели между собой кровавую вендетту. Разумеется, когда их родич стал папой, Колонна получили огромную власть и привилегии; Мартин осыпал их светскими и церковными должностями и щедро освободил их обширные имения от налогов, а сам перебрался из Ватикана в куда более удобный фамильный дворец рядом с форумом Траяна.

В этом дворце Мартин и умер от апоплексического удара в феврале 1431-го. Его преемником кардиналы единогласно избрали Евгения, однако римлянам, которых Веспасиано назвал «буйными и беспутными»¹⁰², новый папа пришелся не по душе. Раскол произошел, когда Евгений объединился со старыми врагами семейства Колонна, Орсини. Он отозвал привилегии Колонна и обвинил их в растрате средств, предназначенных на священную войну с турками. Когда власти раскрыли заговор семьи Колонна с целью убить папу, под судом оказались более двухсот человек: одних отправили в тюрьму, других – на виселицу, а Колонна отлучили от церкви. Три года спустя, в мае 1434-го, когда Колонна по-прежнему сеяли смуту, а римляне возмущались непопулярной войной с Миланом, Евгений был вынужден бежать из города. Он переоделся монахом и пустился в лодке по Тибру, однако не успел уплыть далеко, как вид монаха, сопровождаемого четырьмя арбалетчиками, вызвал подозрения. В погоню снарядили лодки. Папе пришлось укрыться кожаным щитом от града стрел, копий и камней. У базилики Святого Павла за городскими стенами его лодка чуть не перевернулась. Четырнадцать миль

¹⁰⁰ *Vespasiano da Bisticci. Vite di Uomini Illustri.* P. 9.

¹⁰¹ О пророчестве см.: *Ibid.* P. 8.

¹⁰² *Ibid.*

Евгений уходил от погони, прежде чем достиг Остии, где ждал корабль, чтобы доставить его в более дружественную Флоренцию.

Евгений прожил во Флоренции почти все следующее десятилетие. Он осуществлял папскую власть из роскошных апартаментов, приготовленных ему в доминиканском монастыре Санта-Мария Новелла. Его изгнание из Рима имело для карьеры Веспасиано важнейшие последствия. Простой и благочестивый, папа не отличался образованностью. Однако с его переездом во Флоренцию сюда же перебралась курия – папская администрация, состоящая из высокообразованных дипломатов, писцов, ученых и латинистов, таких как Поджо Браччолини.

Поджо был рад возвратиться наконец во Флоренцию. После триумфальных открытий в аббатстве Святого Галла и других монастырях в 1416 и 1417 годах он ушел из курии и провел пять несчастных лет в Англии, где служил секретарем у Генри Бофорта, епископа Винчестерского. Здесь Поджо страдал от безденежья, дикости местных жителей – «людей, приверженных обжорству и пьянству»¹⁰³, и геморроя. Он вернулся в Римскую курию в 1423 году, и единственным утешением после английских злоключений стало для него собрание забавных историй про англичан, которыми он впоследствии развлекал друзей. «Он нашел в их образе жизни много предосудительного», – отметил позже Веспасиано, который познакомился с Поджо вскоре после его возвращения во Флоренцию в 1434 году¹⁰⁴.

¹⁰³ Two Renaissance Book Hunters. P. 46.

¹⁰⁴ *Vespasiano da Bisticci. Vite di Uomini Illustri*. P. 291.

Надежный заказчик Веспасиано Эндрю Хоулс (ок. 1395–1470; в центре): исключение среди пьяниц и обжор *inglesi*

Другим видным беглецом из Рима был в тогдашней Флоренции молодой человек по имени Эндрю Хоулс – исключение среди пьяниц и обжор *inglesi* (англичан). Выпускник Оксфорда, Хоулс прибыл в Италию в 1431 году лет тридцати пяти в качестве английского посла при папе. В следующие десятилетия он оставался в Италии, по большей части во Флоренции, где зажил, как одобрительно заметил Веспасиано, *alla italiana* (по-итальянски), чураясь привычек своей страны: съедал за трапезой лишь одно блюдо и не напивался допьяна. Обеды, которые он давал во Флоренции, были пиршествами скорее для ума, чем для брюха; на них

присутствовали ученые мужи, обсуждавшие философские вопросы. Свободное время Хоулс проводил в молитве и чтении; он нанял писцов, которые, по словам Веспасиано, скопировали для него «огромное число книг»¹⁰⁵. Неудивительно, что он стал завсегдатаем улицы Книготорговцев и близким другом Веспасиано, который называл его Андреа Олс.

Такое число собравшихся во Флоренции любителей мудрости способствовало интеллектуальным беседам. На обедах у Никколи и Хоулса и в спорах на углу рядом с лавкой юный Веспасиано жадно впитывал знания и рассказы, делал важные наблюдения, а главное, питаясь крохами чужой премудрости, сумел произвести на собеседников впечатление умом и толковостью.

Одна из загадок Веспасиано – как он набрался таких знаний, притом что получил самое скудное образование. За пять лет в школе он мог усвоить разве что начатки латыни. Выучив алфавит, он должен был перейти к книге, которую называли «Донат», «Донатус» или «Донателло», – учебнику латинской грамматики на основе пособия, составленного Элием Донатом, наставником святого Иеронима. Лишь в грамматической школе, куда ученики переходили в одиннадцать, они по-настоящему брались за сложности латинской грамматики и творения античных авторов. Те, кто, как Веспасиано, заканчивал учиться в одиннадцать, могли прочесть много латинских слов, но смысла толком не понимали. По большей части в начальной школе читали сочинения на «вульгарном языке», повествующие о героических эпизодах флорентийской истории, дабы воспитать в учениках нравственное чувство и патриотизм. В договоре с учителем указывалось, чему и с какой целью он должен научить мальчиков вроде Веспасиано в *botteghuzza*: «читать и писать все буквы и цифры, насколько требуется для службы в ремесленной лавке»¹⁰⁶.

Хотя Веспасиано готовили для работы в ремесленной лавке, он вскоре узнал много больше, чем просто буквы и цифры. Часть его обучения происходила вполне буквально на улице – на углу рядом с лавкой Гвардуччи. Другое место собраний находилось на западной стороне площади Синьории, под *Tettoia dei Pisani*, Крышей Пизанцев. Построенная сотнями пизанцев, взятых в плен в битве при Кашине (1364), эта крыша – огромный навес – давала защиту от солнца и дождя, позволяя при этом видеть всю площадь. Под ней собирались неформальные группы философов и ученых; здесь можно было послушать, как они обсуждают тонкости латинской грамматики и переводы с греческого. Джаноццо Манетти, прославленный дипломат, знаток древнееврейского и греческого, который, по словам Веспасиано, «украсил город» своим блеском, в этих дебатах так усовершенствовал свою латынь, что стал говорить на ней как на родном языке¹⁰⁷¹⁰⁸. Веспасиано сошелся с Манетти очень коротко. Его преклонение перед Манетти и их близкое знакомство вызвали к жизни гипотезу, что Манетти в 1430-х был его наставником и что своей карьерой Веспасиано во многом обязан руководству и тонкому художественному вкусу этого блистательного полиглота, знавшего наизусть «О граде Божьем» Августина и «Никомахову этику» Аристотеля¹⁰⁹.

Другим его наставником был Никколо Никколи, в чьей библиотеке Веспасиано впервые познакомился с классическими манускриптами. Никколи устроил у себя некое подобие книж-

¹⁰⁵ Ibid. P. 165, 166.

¹⁰⁶ Цит. по: Witt. What Did Giovannino Read and Write? P. 104. О книгах, воспитывающих нравственное чувство и патриотизм, см. там же: с. 103–104.

¹⁰⁷ Все эти общественные места были исключительно мужскими. Архиепископ Флорентийский (и будущий святой) Антонино Пьероцци считал, что женщинам нельзя «скакать по пяльце». Он не советовал женщинам даже стоять в дверях или выглядывать в окно. По словам архиепископа, женщина должна появляться на улице лишь по пути в церковь – разумеется, в сопровождении родственников.

¹⁰⁸ *Vespasiano da Bisticci. Vite di Uomini Illustri*. P. 259.

¹⁰⁹ О вероятности того, что Манетти был наставником Веспасиано, см.: Wittschier Heinz, Willy. Vespasiano da Bisticci und Giannozzo Manetti // *Romanische Forschungen*, 79. Bd., H. 3 (1967). S. 271–287.

ного клуба. Позже Веспасиано писал, что Никколи любил приглашать молодых людей к себе и, как только кто-нибудь приходил, вручал ему книгу со словами: «Иди и читай». Юноши, «иной раз по десяти-двенадцати», сидели и читали; через какое-то время Никколи просил их отложить манускрипты и каждого спрашивал о прочитанном. «Завязывалась достойнейшая беседа», – с нежностью вспоминал Веспасиано эти встречи, в которых участвовал на протяжении многих лет¹¹⁰.

В тогдашней Флоренции были и другие способы продолжить образование, в том числе местный университет, Студии Фьорентино. Веспасиано не учился в Студии, занимавшем скромное здание на узкой улочке с южной стороны собора, всего в трех минутах ходьбы от лавки Гвардуччи. Впрочем, он хорошо знал многих преподавателей. Через несколько лет после начала его работы в лавке друг писал ему из деревни, спрашивая о флорентийских новостях и особенно о том, что происходит в Студии¹¹¹. Университетские профессора часто читали публичные лекции, дабы, как позже написал Веспасиано, «утолить тягу флорентийцев к литературе»¹¹². Он описывал, как в 1430-х один профессор, Франческо Филельфо, выступал перед сотнями слушателей, а другой, Карло Марсуппини, «самый начитанный человек во Флоренции», к изумлению собравшихся, процитировал в лекции всех известных греческих и латинских авторов. «То было поразительное выступление», – восторгался позже Веспасиано, гордо упоминая, что был в толпе восхищенных слушателей¹¹³.

Мало где в Европе можно было услышать лекции, подобные тем, что читали Филельфо и Марсуппини с их глубоким знанием не только латинских, но и греческих авторов. В этом заключалась уникальность Флорентийского университета. Он не был ни древним, ни престижным, как университеты Болоньи (основанный в 1088-м), Парижа (1200) или Падуи (1222), которые славились преподаванием юриспруденции, богословия и медицины соответственно. Студии Фьорентино открыл свои двери только в 1348-м – по мрачному совпадению в год Черной смерти. В первые десятилетия его финансовое положение было настолько шатким, что он постоянно находился под угрозой закрытия. В 1370-х там преподавал лишь один профессор. Впрочем, положение исправилось благодаря щедрости нескольких банкиров, которая позволила пригласить блистательных преподавателей, первым из которых стал в 1397 году Мануил Хрисолор, знатный ученый и дипломат, выписанный из Константинополя учить студентов греческому.

Часто говорят, что до 1400-го никто на Западе не знал греческого, однако это неправда. Правильнее будет сказать, что греческие тексты и учителя были мало востребованы, пока западные гуманисты вслед за Петраркой не заинтересовались бесценным наследием древности. Средства всегда были под рукой. За столетия в Италию приезжали сотни тысяч греков – беженцы из завоеванных мусульманами Сирии и Сицилии, купцы, торговавшие в Венеции и Пизе, ремесленники, создававшие флорентийские мозаики. В Южной Италии было примерно две сотни монастырей, где служили на греческом. Греческие манускрипты имелись в библиотеке при неаполитанском дворе, а также, в еще большем количестве, в монастыре Сан-Никола ди Казоле подле Отранто, на «каблуке» Италии. Образованные монахи этого монастыря готовы были обучать греческому всех желающих. Один местный ученый писал, что они предлагают «еду, наставника и гостеприимство, не прося за то никакой платы»¹¹⁴. Джаноццо

¹¹⁰ *Vespasiano da Bisticci. Vite di Uomini Illustri*. P. 439. Цит. в переводе Г. Д. Муравьевой.

¹¹¹ См.: *De la Mare A. C. Vespasiano da Bisticci, Historian and Bookseller*. 2 vols. (PhD diss., London University, 1965). Vol. 2. P. 301.

¹¹² *Vespasiano da Bisticci. Vite di Uomini Illustri*. P. 349.

¹¹³ *Ibid.* P. 316.

¹¹⁴ Антонио Феррарис (Il Galateo) цит. по: *Mattia Cosimo Chiriatti. Lo Scriptorium di San Nicola di Casole (Otranto, Lecce) e il suo Typikon (Codex Taurinensis Graecus 216): Un'Analisi Storico-Letteraria // Hortus Artium Medievalium*. Vol. 23 (January 2017). P. 428.

Манетти придумал собственный способ учиться с полным погружением: поселил у себя дома двух греков и велел, чтобы они разговаривали с ним исключительно на родном языке.

Греческий ученый и педагог Мануил Хрисолор (ок. 1350–1415)

Впрочем, для многих западных ученых греческий оставался тайной за семью печатями. Когда копиисты натывались на греческое слово или фразу – как часто бывало, например, в трудах Цицерона (в одних только его письмах 850 греческих слов и фраз)¹¹⁵, – они, ничтоже сумняшеся, писали «*Graecum est – non legitur*» («По-гречески – нечитаемо»). К своему великому огорчению, Петрарка не смог прочесть ни один из шестнадцати принадлежавших ему диалогов Платона, а также кодекс Гомера, подаренный ему в 1354 году византийским послом. «Увы, я глух к тебе, а ты для меня нем», – написал он на этом манускрипте, в котором научился разбирать лишь прописные буквы¹¹⁶.

Прекрасное владение греческим стало отличием многих ученых пятнадцатого века от их средневековых предшественников. Этим они практически целиком обязаны Студии Флорентинской и приглашению Мануила Хрисолора. «Пречистый древний свет» вновь воссиял с его прибытием 2 февраля 1397 года во Флоренцию, где он быстро собрал блистательных и ревностных учеников, в числе которых были Никколи, Поджо и Леонардо Бруни. Хотя Хрисолор преподавал в университете всего три года, следом за ним появились другие знатоки – Гуарино да Верона, Джованни Ауриспа и Франческо Филельфо. Все они совершенствовались в греческом в Константинополе, где также собирали греческие манускрипты. В 1423-м Ауриспа вернулся в Италию с двумястами тридцатью восемью рукописями, для покупки части которых ему пришлось продать одежду, «чего я не стыдился и о чем не пожалел», – позже написал он. Благодаря этим педагогам Флоренция вскоре стала, по выражению Бруни, «новыми Афинами на Арно»¹¹⁷.

Филельфо, в частности, ворвался во Флоренцию как вихрь. Этого блистательного тридцатидесятилетнего ученого, уроженца Толентино, в ста пятидесяти милях к юго-востоку от Флоренции, пригласили в Студио в 1429-м. Он прибыл с бородой, как у греков, и в сопровождении прекрасной и знатной жены-гречанки (все это, вместе с великолепным знанием греческого, он приобрел за семь лет в Константинополе). По словам Веспасиано, сыновья самых влиятельных флорентийских граждан стекались на лекции Филельфо о римлянах, таких как Цицерон и Ливий, и эллинах, таких как Фукидид и Ксенофонт. Менее официальные уроки Филельфо давал в своем доме на Виа деи Рамальянти, на южном берегу Арно. В этом доме хранилась и его библиотека бесценных манускриптов, привезенных во Флоренцию на шести выючных мулах, за которых заплатил Никколи.

Пребывание Филельфо во Флоренции закончилось блеском стали и хлещущей кровью. При всей своей щедрости Никколи бывал завистлив и мелочен. Даже близкие друзья, такие как Поджо, жаловались на его «вздорный нрав», а Манетти писал, что Никколи «полагал себя вправе невозбранно и нисколько не сдерживаясь указывать другим на их недостатки»¹¹⁸. Никколи вскоре рассорился с Филельфо, возмущаясь его непомерным самомнением («Меня превозносят до небес, – бахвалился Филельфо, – мое имя у всех на устах»)¹¹⁹. Как позже написал о Филельфо Веспасиано, «он обладал великим талантом, но совершенно не владел собой»¹²⁰. Когда их отношения испортились, Филельфо начал распространять ядовитые диатрибы, обвиняя Никколи и Поджо в пьянстве, содомии и незнании греческого. Поджо в ответ выдал серию

¹¹⁵ Baldwin Barry. Greek in Cicero's Letters // Acta Classica. Vol. 35 (1992). P. 1.

¹¹⁶ Цит. по: Sharon Avi. A Crusade for the Humanities: From the Letters of Cardinal Bessarion // Arion: A Journal of Humanities and the Classics. Third Series. Vol. 19 (Fall 2011). P. 163.

¹¹⁷ Джованни Ауриспа цит. по: Kovnum George J. John Lascaris and the Byzantine Connection // The Journal of Library History (1974–1987). Vol. 12 (Winter 1977). P. 20; Леонардо Бруни цит. по: Baron Hans. The Crisis of the Early Italian Renaissance: Civic Humanism and Republican Liberty in an Age of Classicism and Tyranny. 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1955, revised ed. 1966. P. 193.

¹¹⁸ Two Renaissance Book Hunters. P. 141; Manetti. Biographical Writings. P. 121.

¹¹⁹ Цит. по: Field. The Intellectual Struggle for Florence. P. 195–196.

¹²⁰ Vespasiano da Bisticci. Vite di Uomini Illustri. P. 351.

язвительных инвектив, в которых изображал Филельфо насильником, прелюбодеем и растлителем малолетних: он-де соблазнил собственную тещу и держит гарем мальчиков. «Ты вонючий козел, – ярился Поджо, – рогатое чудище, гнусный хулитель, отец лжи и творец хаоса». Он советовал Филельфо лучше нападать на тех, «кто блудит с твоей женой»¹²¹

¹²¹ Цит. по: *Rizzi Andrea*. Violent Language in Early Fifteenth-Century Italy // *Violence and Emotions in Early Modern Europe* / Ed. Susan Broomhall, Sarah Finn. London: Routledge, 2016. P. 145.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.